

ТОВОЛЬСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАЕМАЯ ПРИ БРАТСТВѢ СВ. ВЕЛИКОМУЧ. ДИМИТРІЯ СОЛУНСКАГО.

№

8.

16 апрѣля

1907 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. 1 и 16 чиселъ.

ТОВОЛЬСКЪ.

Типографія Епархіальнаго Братства.

Въ книжномъ складѣ при Тобольскомъ Епархіальномъ Братствѣ имѣются въ продажѣ слѣдующія богослужебныя и другія книги Синодальнаго изданія.

Триодъ постная въ листъ, въ кожѣ ц. 6 руб. 50 коп., въ 8-ю д. листа, въ кожѣ ц. 3 руб. 50 коп.

Послѣдованіе освященія храма, егда творить е іерей, избранный на сіе отъ архіерея и искусный, въ коленкоровомъ переплетѣ, ц. 45 к.

Службникъ въ 4-ю д. л. крупной печати въ кожѣ, ц. 2 р. 25 к.

—Тоже въ коленкоровомъ перепл. ц. 2 руб.

Службникъ въ 32 д., въ шагреневомъ перепл. съ золотымъ тиснен. въ футлярѣ цѣна 1 руб. 45 коп.

— Тоже въ сафьянѣ цѣна 1 руб. 10 коп.—Тоже въ сафьянѣ цѣна 80 коп., въ коленкорѣ цѣна 60 коп.

Религіозно-нравственныя стихотворенія съ рисунками, цѣна 50 коп.

Службы на первую седмицу вел. поста, въ 4-ю д. л. въ кожѣ, въ 2-хъ книгахъ, цѣна 5 руб.

Службы на страстную седмицу вел. поста, въ 4-ю д. л. въ кожѣ въ 2 хъ книгахъ, цѣна 4 руб. 50 коп.

Службы пасхальной седмицы, въ коленкоров. переплетѣ, ц. 45 к.

Непорочны и похвалы во св. великую субботу на утрени, въ печатной обложкѣ, цѣна 20 коп.

Книжки библіотеки „Трезвой жизни“:

Книжки по 2 коп.: По пьяному дѣлу.—Что бываетъ, когда люди спятъ.—Бѣгай пьянство.—Слово.—Дорожка ко грѣху.—Блудный сынъ.—На днѣ пьянства.—Бейте въ набатъ.—За трезвую жизнь.—Изъ за одной рюмочки.—Пить до дна, не видать добра.—Два сосѣда.—Увѣче.—Власть вина.—Бутылка погубила.—Съ пьяныхъ глазъ.—Добрыя рѣчи великихъ людей о погубительномъ пьянствѣ.

Книжки по 3 коп.: Между молотомъ и наковальной.—Жизнь.—Спиртоносы.—Воскресшая жизнь.—Почему «дядька» Савельичъ бросилъ пить.—Остерегайтесь первой рюмки.—Вино—смерть.—Горимъ.—За трезвость.—Живая вода.—Бража.—Какъ ворчмарь умеръ.—Не выдержишь.—Святая душа.—Изъ кабатчика—трезвенникъ.—Сиротскія слезы.—Во власти огненной воды.—Врачъ о спиртныхъ напиткахъ.

Новое изданіе братства:

Духовно музыкальныя переложенія, знаменнаго распѣва Ѳ. Денисенко: 1) Тропарь Успенію Пресв. Богородицы. 2) Стихира изъ службы св. великом. Дмитрію Солунскому «Днесь соизываетъ насъ»... 3) Стихира изъ службы святит. Іоанну Златоусту «Преподобне, треблаженне»... Всѣмъ означеннымъ тремъ піесамъ въ партитурѣ цѣна 65 коп. 4) «Милость мира» знаменнаго распѣва, партитура цѣна 35 коп. «Херувимская піѣнь»... партитура цѣна 40 к. Поименованныя переложенія рекомендуются для употребленія не только въ городскихъ, но и сельскихъ церквахъ, такъ какъ онѣ приспособлены для исполненія и не большимъ хоромъ.

Продаются всевозможныя богослужебныя книги Синод. изданія.

ТОБОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

издаваемая при Братствѣ св. великомученика Димитрія Солунскаго.

№ 8.

16-го апрѣля 1907 года.

Цѣна годовому изданію съ доставкою и пересылкою 5 рублей.

Подписка принимается въ Советѣ Братства, въ г. Тобольскѣ.

выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 16 чиселъ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Епархіальныя извѣстія.

Служенія Архипастыря.

Апрѣля 1 ч. Панихида по случаю 40-го дня по смерти настоятеля каедральнаго собора прот. Архангельскаго, литургія и за вечерней послѣ бесѣды о „духовномъ трезвеніи“ молебенъ съ акаѣистомъ Пресв. Богородицѣ.

8 ч. Литургія и за вечерней послѣ бесѣды о „духовномъ трезвеніи“ молебенъ съ акаѣистомъ Спасителю въ каедральн. соборѣ.

Открытіе и замѣщеніе священно-церковно-служительскихъ вакансій.

Опредѣлены: сынъ священника Александръ *Федюшинъ* псаломщикомъ къ церкви села Бакшеевскаго, Тарскаго уѣзда; окончившій курсъ въ Курганскомъ духовномъ училищѣ Петръ *Поникаровскій* псаломщикомъ къ церкви села Жуковскаго, Туринскаго уѣзда; крестьянинъ Сергій *Иолчевъ* псаломщикомъ къ градо-Туринскому Крестовоздвиженскому собору; бывшій псаломщикъ Иванъ *Семеновъ* къ церкви села Кусерьянскаго, Ишимскаго уѣзда; бывшій воспитанникъ мѣст-

ной духовной семинаріи Константинъ *Меньшиковъ* псаломщикомъ къ церкви села Брылинскаго, Курганскаго уѣзда.

Перемѣщены: состоявшій на вакансіи діакона при церкви села Ялымскаго, Курганскаго уѣзда, священникъ Захарія *Мамоновъ* на вакансію діакона къ церкви села Уктузскаго, Ишимскаго уѣзда; псаломщикъ церкви села Нахрачевскаго, Тобольскаго уѣзда, Василий *Ухаловъ* къ церкви села Готопутовскаго, Ишимскаго уѣзда; псаломщикъ церкви села Кусерякскскаго, Ишимскаго уѣзда, Александръ *Рязановъ* къ церкви села Кротовскаго, того же уѣзда.

Уволенъ отъ должности и службы по епархіальному вѣдомству псаломщикъ церкви села Брылинскаго, Курганскаго уѣзда, Константинъ *Вахничъ*.

Разрѣшается сборъ пожертвованій въ предѣлахъ епархіи на годичный срокъ на постройку храма на полуостровѣ Пирчинскомъ.

Объявлена благодарность Епархіальнаго Начальства за пожертвованія въ пользу церквей, съ выдачею похвальныхъ листовъ: дочери священника Аннѣ *Парышевой* и крестьянамъ Пахомію *Скорину*, Θεодору *Борисову* и Владиміру *Карандашеву*.

ТОВОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 8.

16-го апрѣля 1907 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

КРАТКОЕ ПОУЧЕНІЕ.

(Провзнесено 1 октября 1906 г.).

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

Годъ исполнился, какъ я служу у васъ. Ровно годъ тому назадъ, въ этотъ же день, въ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, я служилъ у васъ, въ этомъ святомъ храмѣ, первую литургію.

Что сказать по поводу прошедшаго года?

Прежде всего надо возблагодарить Господа Бога за этотъ прошедшій годъ. Благодареніе Господу Богу, этотъ первый годъ мы прожили съ вами благополучно. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, было ли въ этомъ прошедшемъ году какое-либо общее несчастье у насъ? Нѣтъ, не было. Не было ни болѣзни, которая бы постигла многихъ изъ насъ; не было ни пожаровъ, ни падежа на скотъ, ни другихъ какихъ-либо общественныхъ бѣдствій. Конечно, въ отдѣльности несчастья и были, но я говорю о несчастьяхъ общественныхъ,—ихъ не было. Наоборотъ, Господь былъ милостивъ къ намъ: и хлѣбецъ уродилъ, и травы, и овощи... И между собою мы—я, духовный отецъ вашъ, и вы, духовныя мои дѣти—прожили такъ, что нельзя пожаловаться, кажется, другъ на друга. Вы были послушны мнѣ, какъ

своему духовному отцу, заботились обо мнѣ, по мѣрѣ силъ своихъ; я старался дѣлать свое дѣло усерднѣе—служилъ и молился съ вами въ семь святомъ храмѣ, на поляхъ вашихъ и въ домахъ вашихъ; получалъ васъ своими наставленіями... Не скрою, во мнѣ есть и недостатки, не всегда я бываю хорошъ для васъ—досаждаю инымъ... но я вполне сознаю свои недостатки, жалбю о нихъ и стараюсь быть лучше,—постараюсь объ этомъ и впередъ. И Господь, вѣрю я, не оставитъ насъ Своею милостію, и мы будемъ жить еще лучше...

Итакъ, я призываю васъ помолиться Господу Богу и возблагодарить Его за прожитый нами вѣстѣ первый годъ. Попросимъ Его, Милосердаго, и впередъ не оставлять насъ Своею милостію...

Вѣстѣ съ тѣмъ, не могу не высказать вамъ други мои, того, что я замѣтилъ въ васъ хорошаго и дурного. Скажу правду, по совѣсти, какъ пастырѣ вашъ: хорошаго въ васъ много, и я очень радъ, доволенъ, что Богъ далъ мнѣ такихъ прихожанъ,—за это я постоянно благодарю Господа. Но по обязанности своей скажу, что есть въ васъ и худое. Правда, не очень много укажу худого, но это худое въ васъ *худое изъ худыхъ*, т. е. самое худое, можл. сказать. Всего на два недостатка укажу я: во-1-хъ, здѣшніе прихожане нерадивы исполнять долгъ христіанскій—исповѣдываться и причащаться въ Великомъ постѣ (подумайте толкно, въ нынѣшнемъ году, вѣдь, *больше половины* прихожанъ не говѣли!); во-2-хъ, лѣнны очень ходить въ церковь къ утрениамъ. Подумайте, къ утрени, вѣдь, придти каждый разъ человекъ 5 только; между тѣмъ, еслибы хотя по 1-му человекъ изъ дому приходили, то, вѣдь, однихъ сельчанъ набралось бы человекъ около 40; а можно, вѣдь, и изъ деревень пріѣзжать къ утрениамъ-то,—близко, вѣдь, деревни-то отъ села, а лошадки у васъ свои, не нанимать ихъ. Не знаю, какъ вы думаете объ этомъ, а меня такъ, право, ужасъ беретъ, какъ подумаю, что многіе изъ здѣшнихъ прихожанъ въ церковь не ходятъ (знаю такихъ, что при мнѣ т. е. въ теченіе цѣлаго года), исповѣдъ тоже не ходятъ. Господь велитъ это дѣлать, т. е. исповѣдываться и причащаться и чаще въ церковь ходить. Подумайте, вѣдь, страшно не слушаться Господа! И въ Писаніи сказано: „Страшно впасть въ рудъ Вожи“, т. е. прогнѣвать Господа.

Вотъ то худое, что я нашелъ въ здѣшнихъ прихожанахъ. Про-

шу, умоляю—одумайтесь и исправьтесь. А въ остальномъ все хорошо, и мнѣ у васъ правится. Постараемся же, други, и Господу Богу правиться, т. е. дѣлать то, что Онъ отъ насъ требуетъ. Аминь.

Священникъ *Василій Коттевъ*.

ПОУЧЕНІЕ

предъ приводомъ къ присягѣ сельскихъ должностныхъ лицъ. *)

По размноженіи еврейскаго народа Моисею тяжело было одному нести на себѣ всѣ тяжести управленія, а поэтому по его предложенію были избраны изъ среды этого народа мужи мудрые, разумные, испытанные, которыхъ онъ, какъ вождь, и сдѣлалъ начальниками (Втор. I 10—15).

Тоже самое дѣлается нынѣ и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ: какъ у евреевъ по колѣнамъ, такъ и у насъ по волостямъ и селеніямъ народомъ избираются старшины, старосты, судьи, сотскіе и десятскіе. На моихъ глазахъ прошли уже вторые таковыя выборы, и въ настоящее время вы стоите предо мною, какъ общественные избранные и начальники.

Привѣтствую васъ съ оказанною вамъ честью и отъ души желаю, чтобы въ предстоящей дѣятельности вы оправдали то довѣріе, которое выразило къ вамъ настоящимъ избраніемъ ваше общество!

Прежде, нежели привести васъ къ присягѣ, для каковой дѣли вы собрались сегодня сюда, считаю своей нравственной обязанностью и пастырскимъ долгомъ обратиться къ вамъ съ нѣсколькими словами назиданія.

Обратите вниманіе на самихъ себя и подумайте: что такое вы по своему назначенію? „*Это судъ Божій*“, — сказала Моисей, когда выбралъ должностныхъ лицъ для Израильскихъ колѣвъ. Тоже самое и вы: ваше призваніе, ваше дѣло—выслушивать своихъ собратьевъ, всѣхъ безъ исключенія и, чего бы ни касалось дѣло, судить справедливо, во имя того же самаго и на томъ же основаніи, какъ судили и выборные еврейскіе чины, т. е. вы должны судить не во имя своихъ человѣческихъ понятій о справедливости, которыя могутъ быть

*) Произнесено въ Волостномъ Правленіи.

смутны и сбивчивы, но вашими устами должна изрекаться правда Божія, дальше которой уже нѣтъ и не можетъ быть никакого суда, — та правда, которая окончательно рѣшаетъ всякое дѣло, которая и есть „судъ Божій“. Будучи избраны изъ вашей собственной среды, вы принимаете на себя строго-отвѣтственную обязанность служить не страстямъ человѣческимъ, а правдѣ Божіей. Служа правдѣ Божіей, вы уже не просто власть, а *власть отъ Бога* (Рим. 13, 1). А какъ Божіи слуги, вы и служеніе свое въ какой бы то ни было общественной должности должны вести такъ, чтобы не склоняться ни предъ какимъ злоупотребленіемъ силы, ни предъ какимъ вліяніемъ неправды. Вотъ каковы должны быть должностные чины. Но припомните, что происходило еще задолго до выборовъ почти во всѣхъ деревняхъ нашей волости, въ особенности же въ Уросовой и фарисейской Бушлановой. Появлялся какой-нибудь искатель общественной власти, предлагалъ даровое угощеніе, и люди, отуманенные водкой, ничего не помня, ни о чемъ не разсуждая, дикимъ, безобразнымъ крикомъ определяли свое избраніе. Знаю, что не всѣ кидались на даровое пьянство, были честные, воздержные и разумные, которые относились съ отвращеніемъ къ таковымъ продѣлкамъ спаивающаго и безумію спаиваемыхъ. Таковые люди, какъ бы въ правоученіе тѣмъ и другимъ, настояли, на примѣръ, на избраніи двухъ лицъ въ ночные сторожа приходскаго храма, тогда какъ послѣдніе производили даровое угощеніе съ цѣлю получить болѣе видную должность волостныхъ судей. Желательно, чтобы вы, нынѣ избранные на общественныя должности, не были изъ числа тѣхъ, которые добились этого чрезъ спаиваніе своихъ сельчанъ, и хотѣлось бы вѣрить, что вы именно таковы. Вѣдь въ противномъ случаѣ обществу трудно ожидать отъ васъ чего-либо добраго: человѣкъ, предлагавшій по расчетамъ на власть угощеніе другимъ, не откажется отъ него и самъ, а это послѣднее свяжетъ его въ справедливости дѣйствій, ибо каждая даровая чарка одуряющаго питья—это узда для него. А посему предлагаю вамъ, господа, вступить членами въ открытое мною здѣсь общество трезвости и, по примѣру вашихъ предшественниковъ, дать мнѣ въ томъ подписку. Этимъ поступкомъ вы, во-первыхъ, докажете мнѣ вашему пастырю свою непричастность въ предвыборной попойкѣ, во-вторыхъ—обрадуете свое общество надеждой на то, что въ рѣшеніи различныхъ дѣлъ вы все-

гда будете ихъ справедливыми судіями-начальниками и, наконецъ въ третьихъ, своимъ вступленіемъ въ общество трезвости и трезвою жизнію дадите добрый примѣръ своимъ подчиненнымъ и положите начало лучшей порѣ общественной жизни.

Примите же мои совѣты и крѣпко держите въ мысли, что на строгомъ судѣ Господнемъ ни одна слеза, ни одинъ горкій вздохъ отъ незаконныхъ начальниковъ не останутся нестмщенными, а поэтому, если вы своей дѣятельностью не думаете обезпечить спокойствіе, жизненную правду, общественное и частное благо, то, прежде нежели дадите требуемую закономъ присягу, лучше откажитесь отъ предложенной вамъ чести. (**).

Священникъ *Серій Знаменскій.*

НЕДѢЛЯ ПРАВОСЛАВІЯ.

Въ недѣлю православія по древнему уставу св. Церкви положено или по окончаніи литургіи или предъ литургіей совершать особенный чинъ „Торжества Православія“. Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ положено начало совершенія этого глубокопоучительнаго обряда, но и доселѣ ояъ не утратилъ своего великаго значенія и смысла.

Побѣдивъ своихъ враговъ, опровергнувъ ихъ заблужденія относительно почитанія св. иконъ, св. Церковь въ лицѣ св. отцевъ и папъ установила въ 1-е воскресенье великаго поста торжественно возвѣщать свою побѣду не только надъ не почитавшими св. иконы, но и надъ другими лжеучителями, измѣнявшими ученіе Евангельское и уставы св. Церкви.—Такимъ образомъ нынѣ совершаемый обрядъ „Торжества Православія“ означаетъ побѣду Евангельской истины надъ ложью, осужденіе враговъ истины, обличеніе ихъ лживыхъ умствованій, которыми они искажали ученіе Христово, вносили разладъ и нестроеніе въ общество христіанъ и тѣмъ отвращали слабыхъ въ вѣрѣ отъ общенія съ св. Церковію и вѣчнаго спасенія. Но вмѣстѣ съ обличеніемъ враговъ своихъ св. Церковь чрезъ совершеніе обряда „Торжества Православія“, во всеуслышаніе возвѣщала истину Православія, прославляла своихъ вѣрныхъ чадъ, крѣпко-стоявшихъ за

(**) Всѣ должностныя лица: старшина, засѣдатели, судьи и старосты вступили въ общество трезвости.

правую вѣру. Поэтому не съ празднымъ любопытствомъ или, что еще хуже, не съ осужденіемъ и враждою, какъ это дѣлають нынѣшніе христіане только по имени, а съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ покорностію и любовію истинныхъ чадъ св. Церкви должны мы, слушатели благочестивые, отнестись къ совершаемому нынѣ священному обряду, въ которомъ намъ изъ глубины вѣковъ слышится голосъ великихъ пастырей, учителей и отцевъ Церкви, ея славныхъ и добродѣльныхъ защитниковъ, слышится гласъ Самого Духа Святаго, всегда пребывающаго въ св. Церкви, „глаголавшаго пророки“, вразумлявшаго и просвѣщавшаго св. отцевъ и пастырей, „наставлявшаго ихъ на всякую истину“, по непреложному обѣтованію Самого Господа и Спасителя нашего.

Много вѣковъ прошло послѣ того, какъ въ мирѣ почилы эти достославные и добродѣльные защитники и страдальцы за истину православія, эти великіе по святой и равноангельской жизни и по глубокому, премудрому ученію св. отцы, пастыри и учителя, но ихъ великія дѣла, ихъ страданія и подвиги за св. вѣру, ихъ богомудрое ученіе и спасительныя правила жизни—передаются изъ рода въ родъ и нынѣ торжественно возвѣщаются, вразумля, просвѣщая, предостерегая, ободряя и утѣшая вѣрныхъ чадъ св. Церкви, слѣдующихъ завѣту св. апостола Павла „взирающе на скончаніе жительства ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ“.

Слѣдую этому великому завѣту, внимательно мы должны прислушиваться къ голосу церкви въ тотъ день, когда совершается величественный и глубоконазидательный обрядъ „Торжество Православія“, и твердо содержать въ памяти все, что видимъ и слышимъ, такъ какъ мы переживаемъ трудное время, когда подъ вліяніемъ ложной науки и увлеченія политикою, земными благами и удовольствіями во многихъ христіанахъ стали ослабѣвать добрыя нравы и вѣра, замѣтно стало охлажденіе къ ученію св. Церкви и ея уставамъ и какъ бы начали уже исполняться слова апостола Павла: „будетъ время, когда здраваго ученія привимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху и отъ истины слухъ отвратятъ и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. IV, 3—4). Современнымъ христіанамъ, какъ и древнимъ, приходится дѣлать выборъ между двумя путями жизни: или идти за Христомъ Спа-

сителемъ, св. апостолами и отцами и учителями Церкви и взирая на жизнь ихъ, подражать вѣрѣ ихъ, или „сообразоваться съ вѣкомъ симъ“, избирать учителей, которые льстили бы слуху, обращаться отъ истины „къ баснямъ“, какъ говоритъ св. апостолъ о ложныхъ учителяхъ и ученіи.—Этотъ выборъ особенно труденъ въ наше время при множествѣ соблазновъ, лжеучителей и ложныхъ ученій, мнѣвій, сужденій, которыми отвращаютъ христіанъ отъ истины и склоняютъ къ „баснямъ“.

Св. Церковь, признавая немощь нашу и провидя опасность отъ лжеученій, въ чинѣ „Торжества Православія“ напоминаетъ намъ объ этихъ двухъ путяхъ жизни, изъ которыхъ путь Христовъ, апостольскій, святоотеческій чрезъ страданія, вѣру, добрыя дѣла и послушаніе св. Церкви ведетъ ко спасенію вѣчному, а другой путь ереси, раскола, лжеученій и отступничества отъ Христа и св. Церкви, хотя и легкій и пространнѣй, но ведетъ къ вѣчной гибели. Произнося нынѣ торжественно и во всеуслышаніе анаѣему на отступниковъ и враговъ своихъ, св. Церковь желаетъ напомнить чадамъ своимъ обь опасности увлеченія лжеученіями и отступничества, но и враги Церкви со своей стороны стремятся увлечь слабыхъ въ вѣрѣ и неопытныхъ, обвиняя ее въ чрезмѣрной строгости, нетерпимости и слабой любви за грозное слово „анаѣема“. Какое это, говорятъ враги Церкви, строгое слово; какъ тяжело его слышать человѣку грѣшному и слабому и зачѣмъ оно такъ торжественно провозглашается, будто громъ гремитъ среди Церкви Божіей и согласно ли это съ ученіемъ Христовымъ, съ ученіемъ мира и любви? Такъ говорятъ враги св. Церкви, а съ ихъ голоса и слабые члены Церкви, смущая себя и другихъ. Но вѣрныя чада Церкви не должны смущаться этими рѣчами и вообще нападками на ея уставы, участившимися и усилившимися особенно въ наше время со стороны людей, плохо понявшихъ свободу вѣроисповѣданія. Вѣрныя чада Церкви, будучи стойкими хранителями ученія и уставовъ церковныхъ, никогда не позволяютъ себѣ судить св. Церковь, святую и непорочную Невѣсту Христову, столпъ и утвержденіе истины, неизмѣнную хранительницу Христовой истины, носительницу благодатныхъ даровъ Св. Духа, всегда въ ней пребывающаго; они никогда не станутъ требовать отъ нея отчета, легкомысленно осуждать ее, обвинять ее, любвеобильную мать свою,

окружающую ихъ своими попеченіями отъ колыбели—до гроба и даже за гробомъ, обвинять въ недостаткѣ любви къ грѣшникамъ за слово „анаеема“. Вѣрныя чада Церкви не поставятъ ей въ упрекъ это слово потому, что видятъ въ этомъ словѣ не новведеніе, а лишь подражаніе великому апостолу Христову Павлу, „имѣвшему, какъ онъ говоритъ, умъ Христовъ“. Слово *анаеема* въ смыслѣ отлученія св. апостоль употреблялъ неоднократно: такъ, огорченный поведеніемъ Галатійскихъ христіанъ, скоро забывшихъ его ученіе и слушавшихъ лжеучителей, онъ пишетъ имъ: „аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаеема да будетъ (Гал. 1, 9), а Коринѳянахъ—говорить: „кто не любитъ Господа Іисуса Христа, анаеема, маракава, т. е. будетъ отлученъ до пришествія Господа“ (1 Кор. XVI, 2).—Въ провозглашеніи этого страшнаго для истинныхъ христіанъ слова, различающаго ихъ со Христомъ и св. Церковію, они видятъ лишь осуществленіе даннаго Самимъ Господомъ Христомъ св. Церкви права — „вязать и рѣшить“ (Мате. 18, 18), а на ослушниковъ Церкви — смотрѣть какъ на чуждыхъ для нея „язычниковъ и мытарей“: „повѣждь Церкви, аще же и Церковь преслушаетъ, говоритъ Господь, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“ (Мате. 18, 17).—Имѣя это давное ей Самимъ Господомъ право и провозглашая анаеему—отлученіе отъ Церкви, отъ общества христіанъ, св. Церковь не поступаетъ поспѣшно и легкомысленно, какъ обыкновенные люди, подъ вліаніемъ гнѣва и пристрастія дѣлаютъ съ другими, но она отлучаетъ лишь тѣхъ, которые уже до того развращены, что не внимаютъ голосу любви и истины, совѣтамъ, предостереженіямъ и мѣрамъ вразумленія, но остаются озлобленными, ожесточенными и упорными богохульниками, нарушителями уставовъ Церкви, зловредными еретиками, искажающими ученіе Христово во вредъ и соблазнъ христіанамъ, являются наглыми ругателями и отступниками, идущими противъ очевидной истины, возвѣщенной Христомъ Спасителемъ, Его апостолами и св. отцами Церкви, словомъ—идутъ противъ свидѣтельства Духа Святаго, пребывающаго въ св. Церкви и чресъ нее возвѣщающаго путь спасенія, по обѣтованію Господа Христа: „умолю Отца и дасть вамъ другаго Утѣшителя, да пребудеть съ вами во-вѣкъ... Утѣшитель же, Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отець во Имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ все, что Я говорилъ вамъ (Іоан. XIV, 16, 26);

кто будетъ хулить Духа Святаго, тому не будетъ прощенія во-вѣкъ, но подлежитъ онъ вѣчному осужденію“ (Мар. III, 29). Вотъ такихъ то хулителей, отступниковъ, идущихъ противъ истины, возвѣщаемой Св. Духомъ въ ученіи Церкви и не заслуживающимъ за это прощенія, по слову Христову, св. Церковь и отлучаемъ отъ общества христіанскаго; но отлучаемъ не навсегда, не съ дѣлію губить ихъ на вѣки, но чтобы привести ихъ къ раскаянію. Для облегченія имъ подвига, покаянія и возвращенія на путь истины и общенія съ Церковію, она, въ томъ же чинѣ отлученія нераскаянныхъ грѣшниковъ умоляетъ Господа, чтобы „Онъ далъ духъ покаянія“ тѣмъ, кто за нераскаянность самъ подвергъ себя анаеміи; св. Церковь, уступая необходимости исполнить долгъ судіи, въ то же время, какъ мать, оплакиваетъ и призываетъ Духа Божія для вразумленія несчастныхъ, ею осуждаемыхъ отступниковъ. И если они раскаются искренно, дадутъ обѣщаніе загладить грѣхъ доброю жизнію по уставамъ Церкви, то св. Церковь прощаетъ ихъ и принимаетъ опять въ число вѣрныхъ чадъ своихъ, уподобляясь Господу, сказавшему, что „Онъ пришелъ на землю призвать грѣшниковъ къ покаянію“.

Такимъ образомъ анаема, отлученіе для многихъ грѣшниковъ служить врачевствомъ духовнымъ, заставляетъ ихъ опомниться, вдуматься въ свою жизнь и слова и обратиться на путь истины и этимъ обращеніемъ они очень часто приводимы были ко Христу, возвращаемы были въ общество церковное многіе заблудшіе. — Если бы не было этого отлученія, этого грознаго суда св. Церкви надъ ожесточенными и упорными отступниками, то они, оставаясь среди христіанъ на равныхъ правахъ съ ними, продолжали бы духовно заражать другихъ христіанъ своимъ лжеученіемъ, которое иные могли бы принять за ученіе Церкви и такимъ образомъ духовная язва ихъ лжеученія все болѣе и болѣе распространялась бы, подобно злокачественной язвѣ въ тѣлѣ, его заражающей и умерщвляющей; изъ исторіи извѣстно, что многіе христіане, увлекшись ложнымъ ученіемъ отступниковъ, еретиковъ, сами отступали отъ церкви и гибли духовно. Такъ и въ наше время многіе слабые и малоопытные христіане до отлученія графа Толстого отъ Церкви часто не могли отличить ложь отъ истины и даже восхищались его лжеученіемъ, какъ истиннымъ пониманіемъ ученія Евангельскаго и только послѣ отлученія его поняли, куда вель ихъ са-

мозванный учитель, врагъ св. Церкви и Христа, искажавшій Его божественное ученіе. — Если бы св. Церковь не пользовалась переданнымъ ей отъ Самаго Христа правомъ суда и отлученія и оставляла въ средѣ своей злостныхъ еретиковъ и отступниковъ, то она тогда сдѣлалась бы соучастницею зла и развращенія, показала бы свое безразличное отношеніе къ истинѣ и лжи, свое попустительство злу и ереси, свое равнодушіе, свое безсиліе и слабую ревность къ распространенію и утверженію Евангельскаго истиннаго ученія и ей Праведный Судія и Спаситель могъ бы тогда сказать то же, что сказала черезъ св. Іоанна Богослова Церковь Лаодикійской въ лицѣ ея предстоятеля: „ты ни холоденъ, ни горячъ... извергну тебя изъ устъ Моихъ“ (Апок. III, 15—16). — Помня этотъ судъ Божій, св. Церковь и должна безбоязненно возставать противъ лжи и полагать границы любви и терпимости, которыя должны соединяться съ справедливостію — иначе онѣ могутъ послужить поводомъ къ усиленію зла и лжи, къ поощренію ихъ, къ духовной распушенности и расслабленію. Вотъ почему и любвеобильный ап. Павелъ, который былъ, по его выраженію, „всѣмъ вѣсѣ, да всяко нѣкія спасетъ“, однако же повелѣлъ Церкви Коринтской „не сообщаться съ блудниками, предать блудника сатанѣ, во изможденіе плоти“ (1 Кор. V, 5, 9), извергнуть развращеннаго изъ среды своей (V, 13), отвращаться отъ еретика послѣ безуслѣшнаго его вразумленія (Тит. III, 10), вотъ почему слѣдуетъ по завѣту ап. Іуды: „овѣхъ миловать разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасать, отъ огня восхищающе“ (Іуд. I, 22—23).

Ректоръ семинаріи архимандритъ *Николай*.
(Окончаніе слѣдуетъ).

О ЧЕРКИ

изъ исторіи Тобольской духовной семинаріи *).
(По архивнымъ даннымъ).

Затѣмъ, за описываемый періодъ времени должно отмѣтить нѣкоторыя узаконенія, запрещающія увольненіе воспитанниковъ семинаріи на гражданскую службу въ связи съ распоряженіями правительства, которое надѣялось найти среди семинаристовъ подходящихъ учи-

*) См. 5 «Тоб. Епарх. Вѣд. за 1907 г.

телей для высших сельских городских училищъ. По Высочайшему указу 24 января 1803 г., Св. Синодъ долженъ былъ предписать епархіальнымъ архіереямъ, дабы они изъ семинарій отпустили то число семинаристовъ, какое по требованію Министра народнаго просвѣщенія окажется нужнымъ для наполненія учительскихъ мѣстъ въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Вслѣдствіе сего Св. Синодъ указомъ 18 марта предписалъ епархіальнымъ архіереямъ не только удержаться отъ представленій Св. Синоду по подаваемымъ къ нимъ отъ студентовъ высшихъ классовъ прошеніямъ о увольненіи ихъ въ свѣтское вѣдомство; но учениковъ высшихъ классовъ, кромѣ опорочивающихъ свое состояніе, самимъ собою изъ вѣдомства духовнаго не увольнять.⁹⁹⁾ Въ дополненіе къ этому указомъ Св. Синода 30 сентября 1804 г. сообщалось о Высочайшемъ повелѣніи министру народнаго просвѣщенія, дабы онъ сдѣлалъ циркулярное предписаніе по части вѣреннаго ему министерства о неприниманіи учителей и учениковъ духовнаго вѣдомства, безъ увольненія Св. Синода.¹⁰⁰⁾ Очевидно, въ связи съ этими распоряженіями состоялось увольненіе изъ Тобольской семинаріи учителя Конст. Лепехина. 21 декабря 1805 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода преосвященному Тобольскому Антонію слѣд. содержанія: Попечитель Казанскаго учебнаго округа Румовскій представилъ главному управленію училищъ, что по смерти учителя Тюменскаго народнаго училища, титулярнаго совѣтника Лепехина желаетъ заступить мѣсто сынъ его, обучающійся въ Тобольской семинаріи богословіи студентъ К. Лепехинъ, которой рожденъ въ бытность отца его въ духовномъ званіи и въ ономъ числится. Почему министр народнаго просвѣщенія просилъ посредства синодальнаго оберъ-прокурора предъ Св. Синодомъ объ увольненіи Лепехина, чѣмъ самымъ доставлено будетъ нужное пособіе матери его, оставшейся нынѣ въ бѣдности. Вслѣдствіе сего Св. Синодъ распорядился уволить Лепехина изъ семинаріи и духовнаго вѣдомства, если не окажется къ сему никакихъ препятствій. Во исполненіе сего указа Лепехинъ былъ уволенъ изъ семинаріи съ аттестатомъ и 12 января 1806 г. препровожденъ консисторіей въ приказъ общественнаго призрѣнія.¹⁰¹⁾

⁹⁹⁾ Полн. собр. законовъ, т. XXVII, № 20671.

¹⁰⁰⁾ Полн. собр. законовъ, т. XXVIII, № 21472.

¹⁰¹⁾ Дѣло конс. арх. 1806 г. № 311: По указу Св. Синода о увольненіи Тоб. сем. студента К. Лепехина для поступленія учителемъ въ Тюменское малое народное училище изъ семинаріи.

Насколько строго и неуклонно въ некоторыхъ случаяхъ высшее начальство слѣдило за исполненіемъ своихъ узаконеній, запрещавшихъ принятіе воспитанниковъ семинаріи на гражданскую службу безъ вѣдома духовной власти, показываетъ слѣд. фактъ. Указомъ Св. Синода 30 ноября 1808 г. сообщалось, что два студента Полтавской семинаріи Яновскій и Яшевскій были опредѣлены безъ увольненія духовнаго начальства—первый въ Одесскую гимназію учителемъ, а послѣдній въ Николаевскую полтовую контору почтмейстерскимъ помощникомъ. Хотя по наведеннымъ справкамъ оказалось, что оба студента происходили изъ дворянъ, что Яшевскій поступилъ на службу еще въ 1803 г. и въ 1806 г. произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора, однако Государь Императоръ повелѣлъ Яновскаго и Яшевскаго возвратитъ въ духовное вѣдомство Полтавской епархіи. По постановленію правленія 21 янв. 1809 г., указъ этотъ чтеніемъ чрезъ учителей былъ объявленъ семинаристамъ, съ отобраніемъ отъ нихъ въ слыханіи онаго подписокъ, кои препровождены были въ консисторію.¹⁰²⁾ Однако, несмотря на всѣ вышеуказанныя запретительныя распоряженія, студенты Тобольской семинаріи Сипировскій и Стрѣфановскій, какъ мы видѣли, въ томъ же 1809 г. безъ особенныхъ затрудненій были уволены Св. Синодомъ изъ духовнаго въ свѣтское вѣдомство.

Сравнительно свободный выходъ изъ семинаріи воспитанники ея имѣли только на медицинскую службу, которая требовала много учениковъ для медико-хирургическихъ академій, доставлявшихъ врачей для всей Россіи и особенно для войскъ. Объ увольненіи семинаристовъ въ медицинскія академіи для обученія врачебнымъ наукамъ давалось повелѣніе Высочайшимъ указомъ еще 15 іюля 1786 г.¹⁰³⁾ По указу Св. Синода 26 сентября 1797 г., епархіальные архіереи должны были отпускать изъ семинаріи въ медицинскія академіи по 50 человекъ студентовъ ежегодно.¹⁰⁴⁾ По указу Св. Синода 13 іюня 1799 г. ученики, желающіе, по требованію врачебныхъ управъ, по-

¹⁰²⁾ Дѣло конс. арх. 1809 г. № 155: По указу Св. Синода о возвращенныхъ двухъ студентахъ Полтав. сем., опредѣленныхъ по свѣтской части. Дѣло сем. арх. 1809 г. № 98: Вн. указовъ, № 13, ук. 13.

¹⁰³⁾ Полн. собр. законовъ, т. XXII, № 16412, ср. № 16500.

¹⁰⁴⁾ Полн. собр. законовъ, т. XXIV, № 18161.

ступить въ медико-хирургическія академіи, должны были увольняться изъ семинарій безъ всякой задержки.¹⁰⁵⁾ За описываемый періодъ времени мы находимъ слѣд. дѣло объ отпращиваніи воспитанниковъ Тобольской семинаріи въ мед.-хир. академію.

25 іюля 1800 г. семинарское правленіе представило преосвященному доношеніе, что студенты богословіи *Θ. Бѣлоусовъ* и *Д. Поскребышевъ*, состоящіе—первый дьячкомъ Покровской, а второй—пономаремъ Богоявленской церкви, просятъ объ увольненіи изъ семинаріи для обученія въ С.-Петербургской мед.-хир. академіи. Ссылаясь на указъ Св. Синода отъ 13 іюня 1799 г., правленіе высказывало при этомъ свое мнѣніе: не увольняя пока просителей изъ духовнаго вѣдомства, репортовать о нихъ Св. Синоду. Согласившись съ мнѣніемъ правленія, архіепископъ *Варлаамъ* въ своемъ представленіи Св. Синоду отъ 28 іюля между прочимъ писалъ, что когда послѣдуетъ вызовъ учениковъ въ мед.-хир. академію изъ Тоб. семинаріи, можно будетъ замѣниться *Бѣлоусовымъ* и *Поскребышевымъ*, которые, какъ принадлежащіе къ Пермской епархіи, нынѣ должны поступить во вновь учрежденную Пермскую семинарію. Въ отвѣтъ на это представленіе Св. Синода указомъ 27 сентября сообщилъ преосвященному, что когда изъ медицинской коллегіи въ Синодъ поступитъ требованіе объ отпускѣ на будущій 1801 г. изъ духовныхъ академій и семинарій воспитанниковъ для опредѣленія въ медико-хирургическія академіи, тогда *Поскребышевъ* и *Бѣлоусовъ* будутъ назначены къ отпуску, а до того времени оставаться имъ въ семинаріи при продолженіи преподаваемыхъ наукъ. Однако будущіе врачи мало занимались этими науками: въ маѣ 1801 г. ректоръ доносилъ о *Бѣлоусовѣ* и *Поскребышевѣ*, что оба они „не ходятъ въ классъ за вскруженіемъ головы ихъ отъ медицины“. 21 января 1801 г., согласно указу мед. коллегіи, Тоб. врач. управа просила консисторію при латъ въ нее *Бѣлоусова* и *Поскребышева* для испытанія. По произведенному испытанію они „признаны управой въ словесныхъ наукахъ довольно свѣдующими“. Окончательно *Бѣлоусовъ* и *Поскребышевъ* были отчислены отъ семинаріи и препровождены съ аттестатами въ врачебную управу

¹⁰⁵⁾ Дѣло конс. арх. 1797 г. № 148: Указъ изъ Св. Синода о увольненіи изъ сем. учениковъ по требованіямъ Врач. Управъ. Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы, № 18, ук. 22.

для отправки въ академію уже въ августѣ, о чемъ преосвященный репортоваль Св. Синоду отъ 4 сентября 1801 г. ¹⁰⁶⁾ Въ началѣ 1806 г., какъ мы видѣли выше, послѣдовало отправленіе въ мед.-хир. академію студента Ан. Шестакова, для подготовки къ должности преподавателя медицины въ семинаріи.

Съ большими препятствіями увольнялись семинаристы на высшія медицинскія должности. — 18 декабря 1801 г. Тобольская казенная аптека спрашивала семинарское правленіе, нѣтъ ли изъ учащихся въ Тобольской семинаріи 2-хъ человѣкъ, знающихъ частію латинскій языкъ и согласныхъ поступить на имѣющіяся вакансіи аптекарскихъ учениковъ. Въ виду заявленія двухъ воспитанниковъ о своемъ желаніи поступить на аптечную службу, правленіе семинаріи сдѣлало такое постановленіе: „Какъ ученики синтаксисы В. Ильинъ и инфимы Ил. Комаровъ по своему нерадѣнію, не меньше и по слабости дарованій, къ продолженію семинарскаго ученія усматриваются неспособны и яко сиротствующіе служатъ въ тягость семинаріи своимъ содержаніемъ: то о увольненіи ихъ въ аптекарскіе ученики заготовить доношеніе его пр-ву“. Но на представленіи, сдѣланномъ правленіемъ по сему предмету, преосвященный, получившій объ Ильинѣ и Комаровѣ иныя свѣдѣнія, 23 декабря положилъ такую резолюцію: „Отказать. Указомъ запрещено увольнять учениковъ въ свѣтское званіе, семинарское правленіе представляетъ ихъ больными и нерадивыми, а учителя рекомендуютъ ихъ поватыми и прилежными. Всяка ложь отъ непріязни“. Получивъ о семъ указъ консисторіи 1 января 1802 г., правленіе постановило: „Дать знать оной аптекѣ, не угодно ли ей отъ себя просить его пр-ство о увольненіи надобныхъ ей учениковъ“. Повидимому, аптека не послѣдовала предложенію семинарскаго правленія. ¹⁰⁷⁾ Въ концѣ 1804 г. аптека вновь обратилась въ консисто-

¹⁰⁶⁾ Дѣло конс. арх. 1800 г. № 219: Представленіе Св. Синоду о увольненіи студентовъ богословія Ѳ. Вѣлоусова и Д. Поскребышева въ С.-Петербургскую мед.-хирур. науку. Дѣло сем. арх. 1801 г. № 41: О отсылкѣ В. и П., пожелавшихъ обучаться въ мед.-хир. Так., см. также дѣла того же арх. 1800 г. № 36: Указы № 13, ук. 13. 1801 г. № 43: Кн. указовъ, № 4, ук. 4; № 12, ук. 12; прилож. къ указу 7-му. 1801 г. № 46: отходящая, № 22 и 23.

¹⁰⁷⁾ Дѣло конс. арх. 1801 г. № 171. Объ отказѣ Тоб. сем. правленію отъ увольненія въ Тобол. казенную аптеку двухъ семинаристовъ. Дѣла сем. арх. 1801 г. № 45: Кн. входящ. № 47. 1802 г. № 49: Кн. указовъ, № 1.

рію съ просьбою о высылкѣ двухъ семинаристовъ въ аптекарскіе ученики. На этотъ разъ преосвященный требованіе аптеки представилъ на усмотрѣніе Св. Синода, который указомъ отъ 3 августа 1805 г. предписывалъ истребовать отъ аптеки увѣдомленіе, могутъ-ли требуемые ею два ученика зачтены быть въ число отпускаемыхъ ежегодно изъ семинаріи въ мед. хирургическія академіи 50 человекъ. Медицинское начальство отвѣтило на такой запросъ отрицательно, но вмѣстѣ съ сими сообщило, что одна вакансія аптекарскаго ученика уже заѣята. Вслѣдствіе новаго представленія преосвященнаго Св. Синодъ указомъ 13 ноября разрѣшилъ отпустить изъ семинаріи въ аптекарскіе ученики одного, избравъ изъ неспособныхъ къ продолженію наукъ и поступленію въ духовное вѣдомство. ¹⁰⁸⁾ 12 декабря 1808 г. подалъ прошеніе объ увольненіи въ аптекарскіе ученики семинаристъ Сальниковъ. На запросъ преосвященнаго Св. Синодъ указомъ 17 июня 1809 г. разрѣшилъ уволить его изъ семинаріи. ¹⁰⁹⁾

Н. Бюрюковъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

О благочинническихъ бібліотекахъ *). Тоже самое приходится наблюдать и надъ другими. Такъ однажды я встрѣтилъ полуграмотное семейство деревенскаго купца. Вся молодежь этого семейства любила читать, но требовала отъ книги, чтобы она сочилась кровью, чтобы убійства, казни, пытки, тюрьмы, поединки смѣняли одно другое. Поэтому въ большомъ почетѣ были у нихъ кровавыя приложенія къ „Родицѣ“. Попробовалъ я дать имъ Гоголевскаго „Ревизора“ — показался скучнымъ, а мелкихъ разсказовъ этого автора у меня не было. Въ это время одинъ изъ членовъ этой семьи гдѣ-то досталъ цѣлую серію историческихъ романовъ Гейнце. Чго, кажется, безсодержательнѣе, бездарнѣе романъ этого автора? гдѣ русская исторія искажена болѣе? но мои читатели читаютъ все это и въ восторгѣ.

¹⁰⁸⁾ Дѣло копс. арх. 1805 г. № 302: Требованіе Tobol. казен. аптекой о увольненіи изъ семинаріи двухъ учениковъ въ вѣдомство оной.

¹⁰⁹⁾ Ibid. Дѣло сем. арх. 1809 г. № 98: Книга указовъ, № 67, ук. 67.

*) См. № 6 «Тоб. Епарх. Вѣд. за 1907 г.

Почему—отвѣтъ, на мой взглядъ , одинъ: „по баранинѣ —говядина“, по развитію читателя — талантъ автора.

Но какъ бы то ни было, а кончая эту серію романовъ, мои читатели начинали разговаривать со мной о Иоаннѣ грозномъ, о Малютѣ, о Павлѣ I и т. д., чего прежде не было. Очевидно, что не смотря на всѣ отрицательныя стороны этихъ романовъ, они всетаки затронули въ моихъ читателяхъ интересъ къ родной старинѣ, къ ея героямъ и страдальцамъ. Вотъ этимъ то я и попробовалъ воспользоваться и принесъ моимъ читателямъ „Юрія Милословскаго“. Очень талацтливый, хотя и сильно повыцвѣтшій за давностью лѣтъ, Загоскинъ произвелъ на моихъ читателей чарующее впечатлѣніе. Съ какимъ восторгомъ рассказывали они мнѣ сцены изъ этого романа. Съ какимъ любопытствомъ спрашивали о смутномъ времени, о самозванцахъ, о царѣ Василѣ Ивановичѣ Шуйскомъ. Чѣмъ могъ я дѣлится съ ними, а главное разыскивалъ и приносилъ имъ историческіе романы нашихъ лучшихъ авторовъ: „Князь Серебряный“, „Тарасъ Бульба“, „Огнемъ и мечемъ“ Сенкевича, Севастопольскіе и кавказскіе рассказы Л. Тостого... Все это читалось и перечитывалось и мои полуграмотные друзья узнали и заинтересовались великими именами Гоголя, графовъ Толстыхъ, Сенкевича, Пушкина и другихъ... Теперь же „Родину“ съ ея кровавыми приложеніями давно забросили и, даже, „Ниву“ выписываютъ только по тому, что она даетъ Щедрина.

Наконецъ, позвольте сослаться на вашъ авторитетъ, просвѣщенный читатель, вѣдь, первая прочитанная вами книжка была не ученый трактатъ, а навѣрное „Бова Королевичъ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Да оно и не могло быть иначе, всякое дѣло должно быть поступательнымъ. Нельзя сразу шагнуть на десятую ступень лѣстницы, нельзя начать читать съ серьезной книги.

Вотъ почему я совершенно согласенъ съ о. Мих. Звѣревимъ, который говоритъ, что и „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ могутъ быть полезны, если не намъ самимъ, то нашимъ семействамъ.

Но, конечно, я далекъ отъ мысли совѣтовать наполнить благочинническую библіотеку литературой „двѣнадцати спящихъ дѣвъ“, какъ наполнена та библіотека, которой завѣдуетъ о. Ст. Филиповъ*).

*) Лѣтъ пять тому назадъ я видѣлъ эту библіотеку и основательно въ ней порылся. Автор.

Я бралъ эти два примѣра, лишь, потому, что они носятъ крайній характеръ и рѣзко отгнѣять мою мысль о томъ, что въ первыхъ стадіяхъ своего развитія благотворительная бібліотека должна дать самимъ читателямъ новый, интересный, увлекательный матеріалъ и не ставить новой своей задачей дать полезное и серьезное чтеніе. Приучите сначала къ работѣ, а польза отъ работы придетъ сама собою. Въ обоихъ же приведенныхъ мною случаяхъ кровавые романы сыиграли роль потому, что нами некому было руководить, и виноваты ли мы, что нашему дѣтскому уму правилась кровь, льющаяся въ этихъ романахъ, какъ дураку красное. При составленіи благотворительной бібліотеки очень легко обойтись безъ всего этого и въ то же время начать бібліотеку съ аза.

Въ нашихъ семьяхъ есть и очень не мало дѣтей. Благотворительная бібліотека должна позаботиться о нихъ. Дѣтямъ нужна книжка—благотворительная бібліотека должна дать ее. „Бова Королевичъ“, „Ерусланъ Ла аревичъ“ не потребуются, у насъ есть возможность дать дѣтямъ сказки Пушкина, Жуковскаго, Андерсена, Кота Мурлыки и многихъ другихъ... Хорошо изданныя, съ хорошими иллюстраціями, онѣ будутъ и интересны и понятны нашимъ дѣтишкамъ. Онѣ заронятъ въ души нашихъ дѣтей любовь къ чтенію, пробудятъ ихъ фантазію и избавятъ ихъ отъ извращенной фантазіи, грубаго, пошлаго языка сказокъ лубочныхъ изданій. „Свѣтлячекъ“, „Малютка“, „Родникъ“ и т. под. помогутъ имъ открыть глазки и, мало-мало, сознательно взглянуть на міръ Божій. Очень много разъ ранѣе и въ настоящее время мнѣ приходится видѣть, что совершенные подростки, ученики старшихъ классовъ духовныхъ училищъ, младшихъ классовъ семинаріи, „евархіалки“ переживаютъ тоже, что пережилъ и я въ мои отроческіе годы. Дома книгъ, почти нѣтъ, а подходящихъ къ возрасту и развитію и тѣмъ болѣе, а почитать хочется... И подростокъ волей-неволей идетъ куда нибудь къ писарю, къ мѣстному торгашу, рыться въ его книженкахъ и нестеть домой произведенія авторовъ, подражающихъ Поль-де-Коку. Забирается съ ними куда-нибудь на чердакъ и развращаетъ ими свой умъ, фантазію и половые инстинкты.

Развѣ благотворительная бібліотека не могла бы дать имъ „Робинзона Крузе“, Майнрида, Жуля-Верна и т. д.? Каждый изъ насъ по опыту знаетъ, съ какимъ увлеченіемъ прочитаетъ подростокъ эти

книги, как онъ расширять его кругозоръ, какую пищу дадутъ его фантази, сколько сообщать ему полезныхъ свѣдѣній. А сколько есть у корифеевъ нашей родной литературы мелкихъ рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, поэмъ, доступныхъ и понятныхъ каждому подростку?.. Возьмите Гоголя, Пушкина, Григоровича, Льва и Алексѣя Толстыхъ, Гаршина, Чехова, Помяловскаго, Рѣшетникова, Потапенко, Короленко, Надсона, Некрасова, Резенгейма и т. д. Сколько изъ этихъ авторовъ можно выбрать и предложить подростку живого, высокоталантливаго, захватывающаго. Я увѣренъ, что подростокъ безъ всякихъ „внушеній“, „дисциплинарныхъ взысканій“ оставитъ Назарьину, Гейнце и К^о и схватится за все это—талантъ, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу.

Давно, еще блаженной памяти соборный протоіерей о. Савелій Туберозовъ (у Лѣскова) жаловался на свое одиночество дома и въ приходѣ. Добрая, незлобивая, любящая, но недалекая Наталья Николаевна не понимала своего умнаго и глубокочувствующаго о. Савелья. Эя же жалобы, во всевозможныхъ вариацияхъ, нерѣдко слышишь и теперь. Наши „Натали Николаевны“ очень не рѣдко, не хуже старинныхъ матушекъ, съ головою зарываются въ интересы своего шестка, всѣмъ своимъ существомъ уходятъ въ счетъ яицъ, сметаны и масла и дальше этого ничего не видятъ, да и видѣть не хотятъ. Почему?—Опять таки по тому же, что нѣтъ книгъ, соответствующихъ развитію, нѣтъ книгъ интересныхъ. Бульварная литература слишкомъ глупа, безсодержательна, чтобы ею могла интересоваться созрѣвшая и хотя немного поучившаяся женщиа. Литература, которой интересуется мужъ, если онъ похожъ на Тубероза, для матушки слишкомъ серьезна и не по силамъ. Вотъ почему матушка мало по малу отвываетъ отъ книги, а къ тому же и привычка-то къ ней, привитая матушкѣ въ епархіальномъ училищѣ, прогимназіи, гимназіи, въ болъшинство случаевъ бываетъ не велика. Книга бросается окончательно, и за ней неминуемо мельчаютъ интересы и лѣтъ черезъ шесть получается—куриный умъ, куриное сердце, куриные интересы.

А пусть благочинническая библиотека предложитъ молоденькой матушкѣ тѣхъ же „Соборянъ“, „Некрещенъ го попа“, „Мелочи архіерейской жизни“, „Запечатльваго ангееа“, а дальше Потапенко, Еле-

онскаго, Елпатьевского, Гусева Оренбургскаго, Чехова съ ихъ разсказами изъ нашей родной жизни, и матушка не заброситъ книгу. Книга же не дастъ измѣлчаться интересамъ до эгоизма настѣдки. Она будетъ помнить, что кроиъ интересовъ шестка, есть еще интересы общества, добра и правды. Такая матушка не отстанетъ отъ своего Туберозова, а пойдетъ за нимъ, или еще лучше рядомъ съ нимъ. Не удивительно будетъ, что если вы, входя въ домъ тогдашняго Тубарозова, найдете „Наталью Николаевну“ увлекшейся какойнибудь книгой и не замѣтившей вашего прихода.

— Что, мать, зачиталась? спросите вы ее.

— Ахъ, это вы, здравствуйте, охнется Туберозова. Знаете-ли, все вашъ хваленый Савелій принесъ мнѣ прошлый разъ Ренаповскую „Жизнь Иисуса“. И мой Богъ, Спаситель міра—простой, хотя и гениальный человекъ, увлекающійся—герой революціонеръ. Савелій, объясни, какъ такъ, неужели это правда?—вяжусь я къ нему, а онъ, знаете, молчитъ и, улыбаясь, подаетъ мнѣ „Евангеліе мѣщанъ“ Бутковича; прочла, онъ принесъ мнѣ жизнь Иисуса Христа“ Фирри, потомъ „Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ“...

— И предъ вами, Наталья Николаевна, опять вашъ Богъ—Спаситель міра?...

— Аминь! Скрѣпитъ матушка—протопопица.

Повѣрьте, съ ней о. Савелій Туберозовъ одинокъ не будетъ.

Или дайте молодой матери, имѣющей своего первенца, готовой положить и жизнь и силу для ненагляднаго дитяти, книгу Легафта, и ваши дѣти не будутъ выростать тѣми заласканными, замуштрованными, „баричами—поповичами“, или выросшими безъ всякаго призора соревницами, которыми теперь „хоть прудъ пруди“. Дайте ей какуюнибудь популярную дѣтскую гигиену и изъ вашей дѣтской исчезнуть и люльки, и хлѣбная соска, а вмѣстѣ съ ними и нервная, измученная мать, больныя дѣтишки, надрывающія душу постояннымъ плачемъ.

Я нарисовалъ первыя ступени благочиннической бібліотеки и моя собственная эрудиція кончается... Отцы, кто поумнѣе и поразвитѣе меня, доведите ее до возможнаго конца.

Можно подумать, что рисуя поступательную бібліотечную дѣстницу, я выпустилъ изъ виду тотъ большой процентъ читателей, су-

ществованіе которыхъ я силился доказать въ первой головѣ этой статьи. Это взрослые, но совершенно отставшіе отъ книги люди. Что дать имъ? Мнѣ кажется, что, рисуя поступательную лѣстницу, я далъ самый обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такой читатель—есть человѣкъ, застывшій въ той или другой стадіи своего умственнаго развитія. Поступательная же бібліотека даетъ ему полную возможность прикнѣнуть къ любому умственному возрасту, начиная младенческимъ лепетомъ, кончая мудростью старца. И, конечно, такой читатель прикнѣнетъ къ тому возрасту, который ему по плечу. Я же лично на первый разъ рекомендовалъ бы такому читателю авторовъ въ родѣ Немировича-Данченка. Не глубоко по содержанію знаменитый Василій Ивановичъ, большой мистеръ онъ и присочинить, не даромъ нѣкоторые остряки передѣляли его фамилію на „Невѣру-Вральченко“, но несомнѣнно талантливъ и большой наблюдатель. Пишетъ онъ легко, образно, увлекательно. Быстро безъ утомленія скользятъ глаза по его веселымъ жизнерадостнымъ страницамъ и предъ вами проходятъ не ходульные герои, а простые смертные люди, сѣренькіе солдатики.

Предложу возраженіе со стороны сторонниковъ серьезнаго чтенія. Они могутъ указать мнѣ много примѣровъ, когда люди, не тратя времени на пустяки, на легкое чтеніе, сразу зачизали съ серьезной книги и достигали большихъ результатовъ. Со своей стороны я отвѣчу тоже примѣромъ: масса нашихъ матерей, а деревенскія бабы всѣ поголовно, начинаютъ кормить своихъ дѣтей, сразу по рожденіи, серьезной пищей—хлѣбомъ. Материно молоко они считаютъ пустяками. Не смотря на это, многіе изъ ихъ дѣтей выживаютъ и, даже, пользуются завиднымъ здоровьемъ, но, всетаки, по сравнительной статистикѣ, у насъ на святой Руси ежегодно, благодаря соскѣ, излишне гибнетъ 3,000,000 дѣтишекъ. О такомъ успѣхѣ сама халеръ и мечтать не смѣетъ, развѣ чахотка посоперничаетъ.

3. Бѣльшимъ препятствіемъ для нашихъ благотворительскихъ бібліотекъ служатъ тѣ громадныя сравнительно пространства, которыя занимаютъ наши благочинія. Выберите самое центральное село въ благочиніи и помѣстите въ него благотворительскую бібліотеку и все же, будутъ села, изъ которыхъ до этой бібліотеки будетъ верстъ 50—70. За сто вѣкъ верстъ и любящій чтеніе человѣкъ не всегда поѣдетъ, а

равнодушный къ чтенію не поѣдетъ за книгой и за 20 верстѣ. Другимъ неудобствомъ, при помѣщеніи бібліотеки въ центрѣ, является то, что составъ причта этого села можетъ быть изъ людей совсѣмъ не расположенныхъ къ бібліотечному дѣлу и если силой навязать имъ бібліотеку, то можно поручиться, что изъ этого выйдетъ не дѣло, а только мука.

Не помѣстятъ-ли бібліотеку въ селѣ, гдѣ живетъ благочинный, какъ въ селѣ чаще другихъ посѣщаемомъ членами благочинническихъ причтовъ? Причты, посѣщая это село, могутъ сдавать старыя книги и получать новыя. Но и тутъ будетъ масса неудобствъ. Самому благочинному завѣдывать бібліотекой нѣтъ возможности, да еще вопросъ и то, сочувствуетъ ли благочинный бібліотекѣ. Между остальными членами причта можетъ не быть людей подходящихъ для этой дѣли. Вотъ, приблизительно, тѣ причины, которыя служатъ серьезнымъ камнемъ преткновенія на пути дѣеспособности благочинническихъ бібліотекъ. Мнѣ думается, что этотъ камень преткновенія можно обойти. Я бы посоветовалъ бібліотеку для завѣдыванія вручить тому священнику, діакону или псаломщику, который извѣстенъ въ благочиніи, какъ человѣкъ, любящій книгу, и который охотно возьмется за это дѣло, независимо отъ того—въ центрѣ, или на окраинѣ благочинія онъ живетъ. И вызвать изъ числа псаломщиковъ такихъ, которые опять таки добровольно согласятся разъ въ мѣсяцъ или въ два объѣхать благочиніе съ бібліотекой. Можно изыскать небольшія средства на уплату за трудъ такому возницѣ. Мнѣ же хочется вѣрить, что въ каждомъ благочиніи найдется не одинъ псаломщикъ, который охотно возьметъ на себя этотъ трудъ безвозмездно. По крайней мѣрѣ въ своемъ благочиніи я дѣлалъ подобную попытку и трое изъ нашихъ псаломщиковъ вызвались взять на себя этотъ трудъ безплатно, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ причты, къ которымъ пріѣдетъ подобный возница, кормили бы какъ его самого, такъ и его лошадь. Объ этомъ условіи, кажется, и говорить нечего.

Какъ видите, отцы и братіе, и этотъ камень преткновенія устранимъ. Нашлись бы только въ каждомъ благочиніи два—три чловека готовыхъ потрудиться ради одной идеи этого болѣе, чѣмъ симпатичнаго, дѣла, безъ великой надежды на прибыльтокъ. А если такіе есть, то остается только начинать съ любовью. Господи, помози!

Священникъ П. Александровъ.

Моя переписка съ С. Ал. Рачинскимъ. Съ 1899 года по 1902 годъ мнѣ пришлось вести переписку съ незабвеннымъ Сергѣемъ Александровичемъ Рачинскимъ. Переписка началась случайно и кончилась со смертію С-я Ал-ча: послѣднее письмо отъ него я получилъ 4-го мая 1902 года, а 2-го мая этого года его уже не стало (Да упокоитъ Господь его въ сонмъ праведныхъ Своихъ). Всѣхъ писемъ отъ него мною получено 9.

Началась переписка такъ. Я служилъ учителемъ въ земской начальной школѣ. Приходилось мнѣ иногда читать статьи покойнаго С-я Ал-ча о превосходствѣ школъ церковныхъ предъ школами другихъ вѣдомствъ. Мнѣ захотѣлось возразить С. Ал., показать, что не всѣ церковныя школы непременно хороши и не всѣ прочія школы непременно плохи. По сосѣдству съ моей школой была школа церковно-приходская. Тогда учителемъ въ ней былъ такой же, какъ и я, т. е. окончившій курсъ въ учительской семинаріи. Дѣлову него, въ общемъ, шло такъ же, какъ и у меня. На эту школу я и сослался въ письмѣ къ С. Ал. Въ этомъ первомъ письмѣ своемъ къ нему я еще указалъ на то, что дѣло не въ школѣ, а въ учителѣ и во всей обстановкѣ школы: хорошъ учитель и вся школьная обстановка (т. е. тѣ условія, въ какія она поставлена, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія), — и все въ ней хорошо, какая бы это школа ни была — церковная или какая иная; а плохъ учитель и плохо все прочее, касающееся школы, — и школа плоха, какая бы она ни была — церковная или какая иная. Въ отвѣтъ я получилъ первое письмо отъ С. Ал., которое сейчасъ и привожу цѣликомъ (Письмо получилъ я 19 янв. 1899 г.).

„Татеву, 7 янв. 99.

Любезный Кошневъ.

Вѣрю Вамъ на слово, что Павалевская ц. прих. школа нигде не годится. *) Но вѣдь, по Вашимъ словамъ, въ ней именно нарушены тѣ условія, коими ц. прих. школы отличаются отъ школъ иныхъ наименованій, такъ какъ школа эта, почему-то, обходится безъ всякаго участія въ преподаваніи мѣстнаго духовенства. Возможны ли об-

*) Я не писалъ ему, что она плоха, — наоборотъ, что она такая же, какъ и моя, земская. — Законоучителя — священника въ ней тогда не было, но это было временно и недолго.

шіе выводы на основаніи такого единичнаго, совершенно ненормальнаго случая?

Согласитесь также, что разъяснять письменно, каждому из моих читателей въ отдѣльности, все то, что напечатано мною по школьному дѣлу—задача, по недостатку времени, мнѣ непосильная. Замѣчу только, что упрекъ въ недоброжелательствѣ къ учителямъ сельскихъ школъ отъ Вася слышу впервые, и поэтому въ правѣ приписать его какому-либо недоразумѣнію.

Если Вася интересуютъ мои взгляды на сельскую школу, то полагаю, что Вы, перечитавъ мои писанія, сами убѣдитесь, что въ нихъ заключается осужденіе не скромныхъ труженниковъ, подвигающихся на учительскомъ поприщѣ, а школьныхъ системъ, тормозящихъ дѣло.

Отвѣчаю поздно, потому что письмо Ваше, по неточности адреса, дошло до меня лишь на дняхъ. Почтовый адресъ мой—Ржевъ.

Желаю Вамъ успѣха въ школьныхъ Вашихъ трудахъ, остаюсь, готовый къ услугамъ *С. Рачинскій*“.

Второе письмо я получилъ 15 марта 1900 года. Вотъ оно:

„Татево, 5 март. 1900.“

Любезный Василій Михайловичъ.

Трудно мнѣ, за незнаніемъ мѣстныхъ условій, дать Вамъ какой-либо практической совѣтъ на счетъ выбора жизненнаго пути. *) Осуществленіе Вашего желанія—достигнуть сана діакона—всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго архіерея, взгляды коего на посвященія этого рода мнѣ неизвѣстны. Шансы учителя церковной школы, конечно, въ этомъ отношеніи, благоприятѣе, чѣмъ шансы учителя школы земской. Помочь могутъ добрые отзывы школьныхъ попечителей, благочинныхъ, уѣзднаго наблюдателя, мѣстныхъ ревнителей школьнаго дѣла.

Посылаю Вамъ при семъ экземпляръ „Сельской Школы“. **). Взглядовъ моихъ на школьное дѣло Вы не поняли. Нѣтъ сомнѣнія, что между школами всѣхъ наименованій есть и хорошія и посредственныя и плохія, и никакая статистика опредѣлить не въ силахъ, за какимъ вѣ-

*) Я тогда только-что получилъ званіе учителя уѣзднаго училища, но почувствовалъ и влеченіе къ духовному званію. Вотъ я и просилъ совѣта, по какой дорогѣ мнѣ ити.

**) Съ нею онъ прислалъ мнѣ еще свои «Письма къ духовному юношеству».

домством (при равныхъ матеріальныхъ условіяхъ) должно въ настоящее время быть признано преимущество. Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, какія организація дѣла даетъ возможность создать наибольшее количество школъ удовлетворительныхъ.

Давно не пишу потому, что тяжкій недугъ лишаетъ меня возможности продолжать мои школьные труды. Говорить же о томъ, что самъ болѣе не можешь дѣлать, нѣтъ охоты. — Впрочемъ, въ Мартовской книжкѣ „Нар. Образованія“ будетъ помѣщена моя статейка (по преподаванію ариметики).

Да хранить Васъ Богъ и поможетъ достигнуть осуществленія Вашихъ желаній.

Отъ души желающій Вамъ добра *С. Рачинскій*“.

Третье письмо. Получено 4 сент. 1900 года.

„Татеву, 23 авг. 1900.

Любезный Василій Михайловичъ.

Описанное Вами явленіе (туманные столбы надъ вершинами елей) я объяснить не берусь. Во всякомъ случаѣ, оно не можетъ быть объяснено выдѣленіемъ деревьями угольной кислоты. Газъ этотъ абсолютно прозраченъ, поэтому невидимъ. Къ тому-же, онъ тяжелѣе воздуха, и поэтому, при безвѣтріи, не поднимается, а опускается къ поверхности земли.

Что касается до зимней радуги, то явленіе это рѣдко, поскольку рѣдокъ зимній дождь, но не представляетъ ничего загадочнаго. Наблюдается оно всякій разъ, когда соединяются условія, при коихъ мы видимъ радугу лѣтомъ.

Отъ души желаю Вамъ успѣха въ планахъ Вашихъ касательно перемены Вашего служебнаго положенія.

Преданный Вамъ *С. Рачинскій*“.

14 мая 1901 года я былъ рукоположенъ въ санъ священника въ Тобольскую епархію *), (а рукополагался въ Костромѣ). Объ этомъ я написалъ С. Ал. и 21 іюня 1901 г. получилъ отъ него отвѣтъ.

„Татеву, 13 іюня 1901.

Любезный Отецъ Василій.

Отъ души поздравляю Васъ съ осуществленіемъ Вашихъ желаній, хотя и въ формѣ неожиданной и трудной.

*) Въ село Вагайское, Тобольскаго уѣзда.

Не смущайтесь, не ропщите. Богу лучше нашего извѣстны пути, которые могутъ привести насъ къ спасенію. Подвигъ предстоить Вамъ не легкій, но на нивѣ, жаждущей дѣятелей добрыхъ. Первое условіе для достойнаго совершенія этого подвига бодрость духа, вытекающая изъ твердой вѣры въ помощь Гожію.

Осмотрѣвшись на мѣстѣ Вашего служенія, Вы, надѣюсь, сообщите мнѣ Ваши впечатлѣнія. О титулации не заботьтесь: ни на какіе громкіе титулы права я не имѣю.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, остаюсь преданный Вамъ

С. Рагинскій“.

Письмо 5-е. Получено 20 ноября 1901 года.

„Татево, 4 нояб. 1901.

Поздравляю Васъ, многоуважаемый Отецъ Василій, съ водвореніемъ на новомъ мѣстѣ служенія. Надѣюсь, что роды, совершившіеся при условіяхъ столь неблагоприятныхъ, не возымѣли для здоровья Вашей супруги вредныхъ послѣдствій. *)

Всёконечно, желательно, чтобы съ Вашимъ старшимъ по лѣтамъ и младшимъ по сану товарищемъ по службѣ у Васъ сохранились отношенія добрыя. О нравственномъ и умственномъ уровнѣ Сибирскаго духовенства ходятъ слухи мало утѣшительные. Тѣмъ желательнѣе, чтобы этотъ уровень былъ поднять прибывающими изъ центральной Россіи священниками, что возможно только при мирномъ сожителствѣ съ духовенствомъ мѣстнаго происхожденія. Другое условіе, — пребываніе на одномъ мѣстѣ священниковъ, болѣе продолжительное, чѣмъ краткое служеніе Вашихъ предмѣстниковъ.

Вы не пишете о разстояніи Вашего села отъ Тобольска и отъ желѣзнодорожной линіи, о протяженіи Вашего прихода и численности Вашихъ прихожанъ. Всѣ эти условія, въ Сибири, конечно, гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ Россіи центральной. Что касается до тѣсноты церкви, то это недостатокъ, общій почти всѣмъ сельскимъ церквамъ и центральной Россіи, такъ какъ большая ихъ часть построена во времена, когда населеніе было несравненно рѣже, чѣмъ нынѣ. Надѣюсь, что

*) Матушка моя родила въ пути, на пароходѣ, утромъ того дня, когда мы подъѣзжали къ Тобольску, и въ тотъ моментъ, какъ онъ, Тобольскъ, сталъ уже показываться. Пароходъ былъ самый плохой, — не было совсѣмъ даже каютъ для пассажировъ, — матушка родила въ каютѣ матроса.

Вамъ удастся устранить это неудобство соединеніемъ одного изъ придѣловъ съ церковію главною. На церковно-строительныя нужды средства находятся легче, чѣмъ на всякія иныя; тутъ-же потребовались-бы издержки, относительно невеликія.

Увѣренъ я также, что осмотрѣвшись, Вы найдете возможнымъ сдѣлать что-либо по части школьной, съ коею Вы практически знакомы. Что именно—мнѣ отсюда угадать невозможно.

У насъ церковно-школьное дѣло растетъ и крѣпнетъ: открываются новыя школы. Въ школахъ существующихъ—наплывъ учениковъ небывалый.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, остаюсь преданный Вамъ

С. Рачинскій“.

Письмо 6-е. Получено 10 янв. 1902 года.

„Татево, 26 дек. 1901.

Многоуважаемый Отецъ Василій.

Радуюсь тому, что хотя *нѣкоторыя* условія Вашего Сибирскаго житія—удовлетворительны. Многое, конечно, затруднительно и тягостно... Но, ради Бога, не говорите себѣ, что *ничего не подьмаешь*. *) Въ нашемъ дѣлѣ, церковномъ и школьномъ, нужно покоряться напередъ на успѣхи, крайне медлительные, на первыхъ порахъ незамѣтные; тѣмъ паче въ средѣ новой, еще не вполне изученной. Многое, конечно, невозможно, по протяженію и многолюдству Вашего прихода. Но вспомните, что таковы безчисленное множество изъ приходоу на Руси, и что именно такіе приходы нуждаются всего болѣе въ священникахъ усердныхъ и дѣятельныхъ, не покладающихъ рукъ, не упускающихъ возможнаго за невозможностію исполнить все желательное....

Затѣмъ вполне понимаю желаніе Ваше вернуться на родину. Тутъ успѣхъ зависитъ отъ наличности, въ Костромской губерніи, усердныхъ ходатаевъ за Васъ передъ мѣстнымъ Владыкою, и отъ взглядовъ послѣдняго на священниковъ изъ учителей.

Церковь Ваша, судя по плану, **) точь-въ-точь похожа на множество слишкомъ тѣсныхъ сельскихъ церквей сѣверной полосы Россіи. Увеличена можетъ быть ея вмѣстимость лишь значительнымъ расшире-

*) Въ обоихъ мѣстахъ подчеркнуто самимъ С-мъ Ал-мъ.

**) Я начертилъ ему приблизительный планъ въ письмѣ къ нему.

ніемъ теплой церкви къ западу, что влечетъ за собою уничтоженіе колокольни и замѣну ея новою—при чемъ, конечно, сторожка должна быть перенесена въ особое зданіе.

Вы не пишете ни слова о томъ, имѣется-ли въ Вашемъ селѣ школа, и какова она?

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, остаюсь

преданный Вамъ С. Рачинскій“.

Письмо 7-е. Получено 12 февр. 1902 г.

„Татевъ, 29 янв. 1902.

Любезный отецъ Василій.

Вполнѣ понимаю, что въ Вагаевѣ живется Вамъ затруднительно и тяжело. Но могли-ли Вы ожидать иного—въ Сибири, и при томъ на должности втораго *) священника?

Сибирь, въ отношеніи духовномъ—почва еле вспаханная, но уже засоренная. Населеніе, разбросанное на огромныхъ пространствахъ вокругъ рѣдкихъ церквей, до новѣйшаго времени пополнявшееся элементами порочными, не можетъ не отличаться грубостію нравовъ, малою воспріимчивостію къ вліяніямъ культурнымъ. Притомъ, Вы лишены того орудія медленнаго, но вѣрнаго воздѣйствія, коимъ Вы привыкли владѣть, т. е.—школы.

Самымъ вѣроятнымъ улучшеніемъ Вашего положенія представляется мнѣ назначеніе на приходъ самостоятельный, порученный Вамъ, всецѣло. Къ Вамъ благоволилъ мѣстный Владыка **). Не можетъ онъ не пожелать дать приложеніе тѣмъ талантамъ, коимъ Вы обязаны своимъ посвященіемъ.—Но всякомъ случаѣ, бодрое и плодотворное дѣланіе въ приходахъ Сибирскихъ едва-ли возможно безъ нѣкоторой жилки миссіонерской. Бьется-ли въ Васъ эта жилка? И въ приходахъ великороссійскихъ она не лишняя. Въ Сибири-же—она необходима.

Что касается до возвращенія Вашего на родину, то краткое размышленіе убѣдитъ Васъ въ томъ, что я въ такомъ дѣлѣ никакой помощи оказать Вамъ не имѣю возможности. Тутъ нужно, что-бы въ

*) Я былъ 1-мъ, а не 2-мъ священникомъ. Но, вѣроятно, С. Ал. выразился такъ въ томъ смыслѣ, что насъ было двое.

**) Вѣроятно, С. Ал. написалъ такъ потому, что я ему писалъ о весьма милостивомъ, прямо отеческомъ приѣмѣ меня Владыкою.

какомъ-либо вдовствующемъ приходѣ *пожелали* *) Васъ имѣть священникомъ, и чтобы какой-либо уважаемый прихожанинъ возбудилъ о томъ ходатайство передъ мѣстнымъ Владыкою. Конечно, къ этому Владыкѣ Вы можете и лично обратиться. Но знаетъ-ли онъ Васъ, имѣеть-ли повсды предпочесть Васъ искателямъ мѣстнымъ. Все это мнѣ совершенно неизвѣстно.

То, что я Вамъ пишу, конечно, крайне неудовлетворительно. Но, не зная Васъ лично, не имѣя понятія о связяхъ Вашихъ по родинѣ, викакихъ иныхъ предположеній позволить себѣ не могу.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ остаюсь

преданный Вамъ *С. Рачинскій*“.

Письмо 8-е. Получено 20 марта 1902 года.

„Татеву, 2 марта 1902.

Благодарю Васъ, многоуважаемый отецъ Василій, за привлекательный портретъ, начертанный Вами съ самого себя въ Вашемъ письмѣ. Изъ того же письма съ удовольствіемъ вижу, что положеніе Ваше, въ сущности, сносно. Съ сослуживцемъ Вашимъ, хотя онъ со всячинкою, жить можно **). Паства Ваша имѣеть свои добрыя стороны. Матеріальное положеніе—удовлетворительно. Имѣете полную возможность готовить исподоволь столь желанное Вами возвращеніе на родину.

Боюсь только, что въ этомъ отношеніи Вы возлагаете какія-то надежды, совершенно напрасныя, на меня. Напомню Вамъ то, что, вѣроятно, Вамъ уже извѣстно. Никакого официальнаго положенія я не имѣю. Живу безвыѣздно въ деревенской глуши, совершенно забытый тѣми изъ многочисленныхъ когда-то друзей, которые еще не перемерли. Настоятельно совѣтую Вамъ поддерживать сношенія съ друзьями Костромскими, которые одни могутъ помочь Вамъ въ осуществленіи Вашего желанія.

Фотографія моей у меня нѣтъ и вѣроятно не будетъ, ибо до фотографій я не охотникъ, тѣмъ паче до своихъ собственныхъ. Развѣ соберется Богдановъ-Бѣльскій снять такую съ прекраснаго портрета, имѣ съ меня писаннаго, и находящагося въ Петербургѣ.

*) Оба слова подчеркнуты самимъ С-мъ Ал-мъ.

**) Мы и жили съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ.

Въ ожиданіи возвращенія на родину, постарайтесь заинтересоваться тѣмъ краемъ, въ коемъ Вы живете и дѣствуете. Край этотъ, самъ по себѣ интересный, нынѣ представляетъ интересъ сугубый, по начавшемуся въ немъ оживленію.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ остаюсь
преданный Вамъ С. Рачинскій“.

Письмо 9-е. Получено 4 мая 1902 года.

„Татевъ, 18 апр. 1902.

Многоуважаемый отецъ Василій

Христось Воскресъ!

То, что Вы пишете о резолюціи Пресв. Виссаріона на первое Ваше прошеніе, отнимаетъ, повидимому, всякую надежду на успѣхъ второго. *) Впрочемъ, Вы конечно имѣете поводы думать иначе, близко зная Костромскіе порядки, мнѣ совершенно невѣдомые.

Относительно Вашей характеристики собственной особы замѣчу, что не могутъ не нравиться тѣ прекрасныя качества, которыя Вы въ ней себѣ приписываете; но что для каждаго изъ насъ выгоды, когда о нихъ свидѣлствуютъ другіе. Это—на случай, если бы вздумали пуститься въ подобныя откровенности не со мною, а съ людьми, могущими имѣть вліяніе на Вашу судьбу. *)

Продолжаю недоумѣвать о томъ, какая нелегкая завесла Васъ въ Сибирь. Край этотъ, какъ вижу, нисколько Васъ не интересуеетъ. Письма Ваши вращаются около причтовыхъ дразгъ, которыя повсюду однѣ и тѣ же, которыхъ не избѣгнете Вы и въ Костромской епархіи. Не ошиблись-ли Вы въ Вашемъ призваніи къ священству? Оно, очевидно, представлялось Вамъ поприщемъ спокойнымъ, на коемъ можно обойтись добродѣтелями отрицательными, между тѣмъ какъ оно, во всякое время, и особенно наше, есть поприще боевое, требующее деблестей самыхъ дѣятельныхъ. Только пастырская работа, самая интенсивная, можетъ закалить священника противъ напора досадныхъ мелочей, повеюду сопровождающихъ его дѣятельность.

*) Владыка Виссаріонъ, нынѣ уже покойный, запретилъ мнѣ даже проситься въ Костромскую епархію. Но впоследствии, когда я служилъ уже въ приходѣ Кармаксомъ, Тюм. уѣз., истребовалъ отъ меня копію съ клировой вѣдомости. Вскорѣ онъ померъ.

*) Какъ въ письмѣ къ частному лицу, я описалъ себя со всею откровенностью, не скрывъ ни худого, ни добраго.

Дай Богъ Вамъ найти то положеніе, о коемъ Вы мечтаете, и убѣдиться, что существованія Вашего оно не наполнить, если Вы не воспользуетесь имъ для усиленной работы.

Да хранить Васъ Богъ.

Преданный Вамъ С. Рачинскій.

Вотъ и послѣднее письмо Сергѣя Александровича ко мнѣ... 2 мая 1902 года онъ скончался, а черезъ два дня, 4 мая, я получилъ это письмо, читалъ его неоднократно, какъ и всѣ его письма, и, конечно, не подозрѣвалъ, что этотъ прекраснѣйшій человекъ, эта свѣтлая личность, — лежитъ уже въ гробу... Миръ душѣ его! — Мнѣ грустно было узнать о его смерти. Въ тоскливыя минуты тогда еще недавняго пребыванія моего въ суровомъ Тобольскомъ краѣ — онъ своими письмами ободрялъ меня, вливалъ свѣжую струю въ мой ослаблявшійся временами духъ. Его ободреніе, его слова — я принималъ какъ драгоценность, какъ благословеніе... Миръ праху его!

Священникъ *Василій Коптевъ*.

Фресковая живопись. Такъ какъ въ настоящее время у насъ въ Россіи замѣчается стремленіе къ насажденію и развитію монументальной живописи вообще, а въ частности *фресковой*, находимъ не безынтереснымъ познакомить съ послѣдней нашихъ читателей.

Фресковая живопись или *а-фреско* заключается въ томъ, что на еще сырую штукатурку изъ извѣсти и песку наносятся краски, разведенныя на водѣ. Краски, впитываясь въ сырую штукатурку, при высыханіи ея, образуютъ съ нею нераздѣльное цѣлое. Какой при этомъ происходитъ процессъ — химическое соединеніе, или простое механическое сѣпленіе, сказать затруднительно, — вѣроятнее послѣднее, такъ какъ для образованія химическаго соединенія нужна горячая температура. Уже изъ вышесказаннаго видно, что главную роль въ *а-фреско* играетъ подготовка поверхности. Для этого изготовляется пористая масса, состоящая изъ увлажненной смѣси извѣсти и просѣяннаго мелкаго кремневаго песку. Эту массу, называемую *цементомъ*, наносятъ на предназначенныя къ росписи стѣну или потолокъ, безусловно технически здоровые, т. е. напр. не имѣющіе трещинъ, не могущіе дать осадку и т. д.; при чемъ наносятся такъ, чтобы были заполнены всѣ неровности и чтобы нигдѣ не оставалось пузырьковъ воздуха. Послѣ

хорошей просушки, образовавшуюся на штукатуркѣ кору соскабливаютъ и снова наносятъ такой же слой цемента, затирая деревянною доскою, обыкновенно употребляемую штукатурками. Когда и этотъ слой высохнетъ, наносится третій, не толще одного сантиметра, который и долженъ служить грунтомъ для росписи; при чемъ наносится въ тотъ день, когда художникъ намѣренъ работать; въ противномъ случаѣ онъ подсохнетъ и будетъ не годенъ для воспринятія красокъ. Если картина предполагается большая, то цементъ можно наносить частями, т. е. каждый разъ столько, сколько художникъ въ состояніи записать. Грунтъ, же почему либо не записанный, соскабливается и снова покрывается цементомъ.

Краски для фресковой живописи употребляются исключительно минеральныя и при этомъ не всѣ. Не годятся изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ сродство съ известью, напр. свинцовыя бѣлила. Краски же растительнаго и животнаго происхожденія не пригодны потому, что, соединяясь съ известью, теряютъ свой цвѣтъ. Такъ что палитра художника въ этой отрасли живописи сильно ограничена въ краскахъ. Вслѣдствіе чего тона а-фреско получаютъ нѣсколько тускловатыми. Приготовленіе красокъ самое простое: насыпаются въ горшки или плошки и разводятся водою. Какъ извѣстно, краски, приготовленныя этимъ способомъ, при высыханіи сильно блѣднѣютъ, въ особенности на штукатуркѣ. Поэтому отъ художника требуется основательное знакомство съ этой особенностью красокъ. Онъ долженъ угадывать, насколько данная краска при высыханіи можетъ измѣниться и соответственно этому брать тонъ, усиленный вдвое или даже втрое, чтобы онъ при высыханіи имѣлъ надлежащую силу.

Контуръ не рисуется прямо на грунтъ, а изготовляется заранее шаблонъ (рисунокъ въ натуральную величину на бумагѣ), который прокалывается по контуру шиломъ или иглою. Когда грунтъ готовъ, то на него накладывается шаблонъ и припорошивается сажей, которая, проходя чрезъ проколотыя отверстія, оставляетъ на грунтѣ слѣдъ въ видѣ пунктирнаго контура. Тона красокъ приготовляются также заранее и располагаются на доскѣ въ аршина полтора, замѣняющей собою палитру. И вотъ когда все готово, приступаютъ къ исполненію главной части работы. Поправки и измѣненія не допускаются. Неудовлетворительныя мѣста соскабливаются, покрываются цементомъ и снова пишутся. X

Но вся сложность производства фресковой живописи съ избыткомъ окунается тѣмъ достоинствами, какими она обладаетъ. Во первыхъ, она чрезвычайно прочна. Доказательствомъ служатъ древніе останки этого искусства, дошедшіе до насъ. Краски, проникая въ сырой цементовый грунтъ и высыхавъ вмѣстѣ съ нимъ, образуютъ твердую кору, противостоящую вліянію воздуха и водяныхъ паровъ. Во вторыхъ, матовая поверхность *а-фреско* даетъ возможность зрителю взглянуть на нее съ любого мѣста. Въ третьихъ, фресковая живопись отъ времени не темнѣетъ и даже становится прочнѣе. И въ четвертыхъ — особенности производства фресковой живописи заставляютъ художника не обращать вниманія на мелочи композиціи, и работать скорымъ и широкимъ приемомъ кисти, т. е. тѣмъ приемомъ, какой именно и требуется для картинъ большого размаха.

Фресковая живопись — изобрѣтеніе давнишнее. Еще египтяне, этруски и римляне рисовали этимъ способомъ стѣны и потолки. Первые христіане также любили покрывать фресковой живописью катакомбы. Въ наше отечество это искусство проникло изъ Византіи вслѣдъ за обращеніемъ Руси въ христіанство. *А-фреско* были рисованы церкви Кіева, Новгорода, Владиміра на Клязьмѣ и др., гдѣ испорченныя временемъ и невѣжествомъ остатки этого искусства сохранились и до нынѣ. Послѣ этой далекой эпохи, фресковое искусство, за очень редкимъ исключеніемъ, у насъ почти не примѣнялось. Надо полагать, что этому препятствовали отчасти условія писанія, требующія отъ исполнителя увѣренно-художественной техники, а главнымъ образомъ изобрѣтеніе живописи масляными красками, завоевавшей, какъ извѣстно, столь широкое распространеніе. Лишь въ позднѣйшее время на *а-фреско* снова обращено у насъ вниманіе. Скучные остатки этой живописи тщательно изучаются. Императорская академія художествъ командируетъ своихъ учениковъ для зарисовыванія памятниковъ этой отрасли искусства, гдѣ таковыя имѣются. Въ С.-Петербургскомъ центральномъ училищѣ рисованія, барона Штиглица, открытъ классъ фресковой живописи. А Императорское Общество архитекторовъ между прочимъ выразило желаніе, чтобы архитектора при постройкахъ общественныхъ зданій примѣняли монументальную живопись, въ числѣ которой нужно подразумѣвать и *а-фреско*.

Художникъ Пант. Чукоминъ.

Изъ приходской жизни. Преполовивше Св. Четырдесятвицу, мы скоро достигнемъ и Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ тотъ день надъ нашей родиной пронесется радость жизни, откроется небо, и въ душахъ вѣрующихъ русскихъ людей воскреснетъ Христосъ, въ обычное время страдающій отъ ихъ маловѣрія. Въ Пасхальную ночь мы почувствуемъ, что русскіе до сихъ поръ еще находятся „во объятіяхъ Отчихъ“. Хотя волна невѣрія и несетя по нашей родинѣ, но существеннаго вреда, надѣмся, ей не причинить, „намъ бодрствующимъ“. А дѣлать сейчасъ прямо необходимо. Проповѣдь невѣрія раздается по нашимъ селамъ и деревнямъ, ведется въ крестьянскихъ избахъ, развращаетъ молодежь и соблазняетъ старцевъ. Мужички по ночамъ, какъ воры, компаниями зачитываются брошюрами подпольнаго содержания, авторы которыхъ „ругаютъ Бога и Царя“.

Разкажу два дѣйствительныхъ случая изъ жизни нашего прихода, изъ которыхъ видно, какъ сильно мятется умомъ Сибирская деревня, спокойная съ виду, и какъ она нуждается въ быстрой духовной помощи.

Въ концѣ 1905 года къ мѣстному священнику пришли по дѣлу два крестьянина, одному изъ нихъ „шелъ уже седьмой десятокъ“ лѣтъ. Разговорились о современномъ движеніи въ Россіи, въ Сибири, о пропагандистахъ невѣрія и анархіи. „Да, говорятъ, что Царя нѣтъ и Бога нѣтъ, сказалъ пожилой крестьянинъ. „Дѣло теперь за хресьянами. Ихъ хочуть спросить. Что они скажутъ, такъ и будетъ“... Батюшкѣ пришлось указать на нелѣпость этого вопроса. „Царя можетъ и не быть“, говорилъ онъ, „а Богъ-то вѣдь вѣчень, какже можно говорить, что Его нѣтъ?“ — „Не знаю“, конфузливо отвѣтилъ старецъ, видимо, повѣрившій въ возможность жизни даже безъ Бога, если на то согласится „міръ“. И старецъ, слѣпой на одинъ глазъ, и комната съ обстановкой, гдѣ происходила бесѣда, и слова его до сихъ поръ живутъ въ моемъ воображеніи. Въ нихъ мнѣ слышится грозное memento.

Вотъ другой разговоръ, свидѣтелемъ котораго я былъ уже въ настоящемъ году. Къ нашей „матушкѣ“ пришла старушка. Дѣло было зимой. Разговорились о похоронахъ одной женщины, случившихся въ тотъ день. Посѣтительница рассказывала: „вотъ покойница-то говаривала объ умирающихъ зимой: они отъ морозу-то поди вылупятъ глаза-то.“ *) Какова теперь сама-то?... Вотъ и я до смерточки боюсь лечь въ холодную могилу“.

*) Извиняюсь за выраженіе рассказчицы.

— „Мертвому къ чему бояться холода?“ наставительно замѣтила матушка, „грѣховъ надо бояться“!

— „А говорятъ, что на томъ свѣтѣ намъ ничего не будетъ, грѣха-то, бають, ни въ чемъ нѣтъ“, заявила „умная“ старуха.

— „Когда умремъ, все узнаемъ, что тамъ есть и чего нѣтъ. Узнаемъ, есть-ли и грѣхи у насъ“, нашла отвѣтъ матушка.

„Ну, то-то.—Какъ не узнаемъ! Узнаемъ.—Вотъ сказываютъ какая-то Дума собралась, такъ что она скажетъ, *на томъ и оснется*“, сдѣлала неожиданное заключеніе къ бесѣдѣ старуха.

Религіознаго и политическаго невѣжества въ деревнѣ довольно. Невѣріемъ тронуты *корни* нашей деревни. Оно здѣсь опасно тѣмъ, что у Сибирскаго крестьянина почти нѣтъ традицій и онъ довольно индифферентенъ. Но у него много здраваго смысла, также и въ экономической жизни пока нѣтъ почвы для современной пропаганды. Ктому-же, онъ привыкъ къ самостоятельности, не любитъ ходить на помочахъ и дѣлать по чужей указкѣ. Это, между прочимъ, доказывается выдѣленіемъ особой группы сибиряковъ въ Государственной Думѣ. Будемъ надѣяться на лучшее будущее. Скоро соберется Помѣстный Соборъ. Онъ укажетъ намъ „путь святы“ и успокоитъ мятущуюся сомнѣніями душу народа.

Смерти нѣтъ и живъ Господь.

Пусть не вѣрятъ! Будетъ время,

Міръ воли жаждетъ вновь небесъ,

Сброситъ плоти власть, какъ бремя,

И речетъ: Христосъ Воскресъ!

Бурганскій уѣздъ.
27 марта 1907 г.

Подготовка къ предстоящему въ семь году сѣзду депутатовъ духовенства. Можетъ быть, наша Тобольская епархія найдетъ полезнымъ послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ епархій, которыя переъ сѣздами избираютъ постоянныя комиссіи, обязанныя готовить матеріалъ къ предстоящему сѣзду. На этотъ случай познакомимъ нашихъ читателей съ тѣмъ, что сдѣлано въ Тверской епархіи. Тверской епархіальный сѣздъ духовенства выработалъ для постоянной комиссіи сѣзда точную инструкцію, по которой на обязанности ея лежить: а) предварительная детальная разработка матеріаловъ и вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію сѣзда; б) выработка проектовъ, заключеній и соображеній по представленнымъ матеріаламъ; в) возбужденіе вопросовъ, выходящихъ

изъ рамокъ представленнаго матеріала, если они заслуживаютъ обсужденія епархіальнаго съѣзда; г) право сношенія со всіми епархіальными учрежденіями, содержимыми или субсидируемыми на средства епархіальнаго духовенства и, гдѣ нужно, право ходатайства предъ другими епархіальными учрежденіями о доставленіи справокъ, необходимыхъ для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ епархіальнымъ съѣздамъ; д) члены комиссіи могутъ присутствовать на епархіальныхъ съѣздахъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, присутствіе же председателя и дѣлопроизводителя необходимо, причемъ имъ дается рѣшающій голосъ; е) по окончаніи епархіальнаго съѣзда, комиссіа получаетъ его протоколы и проводитъ въ жизнь епархіи.

(«Твер. Еп. Вѣд.» № 19).

Изданія Братства. Въ книжномъ складѣ Тоб. Епарх. Братства продаются только что напечатанныя на средства Братства духовно-музыкальныя переложенія регента архіерейскаго хора **Θ. И. Денисенко.**

Переложенія напечатаны въ двухъ тетрадахъ: 1) въ одной Милость мира (цѣна 35 к.), въ другой тетради: стихира св. велик. Димитрію Солунскому; тропарь Успенію и стихира св. Іоанну Златоусту (ц. 65 к.).

Вышеозначенныя переложенія **Θ. И. Денисенко** написаны въ тѣсной гармоніи, такъ что легко можетъ исполнять и небольшой хоръ. Голосоведеніе очень плавное и нетрудное; особенно выдѣляются хорошей гармонизаціей тропарь Успенію **В. М.** и стихира св. Димитрію Солунскому.

Черезъ Братство можно приобрѣтать „Херувимскую пѣснь“ — сочиненіе того же автора (цѣна партитуры 40 к.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Ср. възрѣшнѣе

составляю проекты и смѣлы въ постройкѣ церквей во
вѣрѣ възвѣст. Тобольской губерніи.
Архитекторъ АНАТ. В. КОШНИНЪ.
Адресъ: г. Тобольскъ, д. Крестовый (улицы вѣздъ).

Прибавление къ офиц. части № 6 „Тоб. Епарх. Вѣд.“ 1907 г.

СПИСОКЪ вакантныхъ мѣстъ при церквахъ Тобольской епархіи

къ 6-му апрѣля 1907 года.

СВЯЩЕННИЧЕСКІЯ:

Градо-Сургутской церкви.

Село-Травнинской (единов.) } Ишимск. у.

с. Кармакской } Тюменск. у.

с. Тугулымской } Тюменск. у.

с. Каменской } Тюменск. у.

с. Сатыгинской } Туринск. у.

с. Колесниковской } Ялутор. у.

с. Шадринской } Ялутор. у.

ПСАЛОМЩИЧЕСКІЯ:

Градо-Тобольской Крестовоздвиженской.

с. Сосновской (единов.) } Ялуторов. у.

с. Тимофеевской } Тюменск. у.

с. Пышминской } Тюменск. у.

с. Травнинской (единов. 2-я) } Ишимск. у.

с. Сивковской (единов.) } Ишимск. у.

с. Теплодубровской } Ишимск. у.

с. Нахрачевской } Тобольск. у.

с. Коркинской } Туринск. у.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ разрѣшенія **ВРО** ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

составляю проекты и смѣты на постройку церквей во
всѣхъ уѣздахъ Тобольской губерніи.

Архитекторъ **АНАТ. ИВ. КОШКИНЪ.**

Адресъ: г. Тобольскъ, д. Кропотина (мучный базарь).

Приложение къ Тобольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Школьный Листокъ

при Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1907 г.

№ 8.

ЛѢТОМЪ ВЪ СЕЛѢ.

(Изъ дневника сельскаго священника).

Село Д., раскинувшееся въ двѣ улицы со многими переулками, дремало отъ нестерпимаго лѣтняго жару. Было самое глухое время—пора сѣнокоса. Населеніе точно вымерло. Въ крестьянскихъ семьяхъ всякій, кто могъ внести хоть малую лепту труда въ общую работу, бѣжалъ изъ дому виѣсть со взрослыми. Въ иныхъ семьяхъ увозили и малолѣтчиковъ, потому что оставить ихъ дома безъ присмотра было нельзя, потерять же для этого рабочія руки, въ такую горячую пору, крестьянинъ не рѣшится. „Безполезная“, т. е. не могущая въ давнюю минуту хоть что-нибудь работать,—крестьянская мелкота—дѣти, остались въ селѣ лишь въ тѣхъ домахъ, гдѣ водились „бабушки“, на попеченіе которыхъ славались иногда не только свои дѣтки, а и сосѣдскія. Дома и хозяйство ввѣрялись безусловно волѣ Божіей, да Николѣ милостивому!

Съ ранняго утра заготовлялся скудный завтракъ—хлѣбъ и чай въ постные дни, и молоко въ скоромные, и вся семья цѣликомъ отправлялась на покосъ. Объявѣдъ, впрочемъ, особыхъ заботъ и не прилагалось. Въ покосъ и страду крестьянину не до ѣды.

На второй улицѣ, не главной, въ шутку прозванной въ домѣ батюшки „садовой“, такъ какъ на всемъ протяженіи ея и широтѣ росла зеленая травка, да у десятка домовъ въ полисадникахъ росли тощія березки, стоитъ большой, „красивый“ домъ. Поставленный

прочно, изъ толстаго сосноваго лѣсу, окруженный бревенчатыми амбарами подъ тесовой крышей, и другими удобными и прочными пристройками—домъ этотъ, повидимому, принадлежитъ крестьянину не бѣдному.

И правда. Домъ этотъ—собственность одного изъ самыхъ зажиточныхъ и „справныхъ“ по хозяйству крестьянъ с. Д.

Кстати сказать, въ селѣ нашемъ нѣтъ богатыхъ людей, какъ равно нѣтъ и вопіющей бѣдности; можно встрѣтить только единичные случаи крайней бѣдности и то зависящіе отъ непрерывнаго пьянства „дому владыки“, танущаго на пропой не только свой заработокъ, но и все, что, помимо его, появится въ его лачугѣ. Нищихъ „своихъ“—жителей селенія, у насъ нѣтъ, хотя собирателей милостыни „на пропой“, разныхъ пришлыхъ „бродяжекъ“ всегда довольно. Но и ихъ въ описываемую пору почему то не было, хотя „казенка“ дѣйствовала исправно и „жаждущихъ“ могла вполне бы удовлетворить.

Въ „крестовомъ“ домѣ на хозяйствѣ осталась бабушка, довольно бодрая старушка, съ пятерыми внучатами до пятилѣтняго возраста, дѣтми двухъ своихъ сыновей, а остальная семья отправилась на покосъ.

Хлопотъ для нея съ ребятами куча. Еще днемъ, послѣ утренней „управы“, она кое-какъ могла съ ними справиться: была на глазахъ ихъ, и они всѣ были у ней на виду. Но когда наступило время вечерней „управы“, положеніе ея, какъ наблюдательницы за дѣтками, значительно ухудшилось. Надо было припасти кое-что для ужина наработавшейся за день семьѣ, заготовить поило телятамъ, кормъ свиньямъ и т. д. и т. д. Не разъ сходить въ погребъ, въ пригоны. Какъ же ребятокъ-то? Маленькій Саша, еще качающійся въ колыбелькѣ—ему и полгода нѣтъ, тутъ и оставался, впрочемъ и прикрѣпленнымъ къ колыбелькѣ, чтобъ не выпалъ изъ нея. Начинающій подниматься и переступать на своихъ толстенькихъ ножкахъ Одея—годовикъ, опоясанный подъ руки, былъ привязанъ бабушкой на поясокъ къ ножкѣ стола. Четырехлѣтняя Настя и пятилѣтній Петя оставлены были „доглядывать“ за младшими братьями „узниками“ и развлекать ихъ. Только шустрая Маша, немного поменьше своей сестры, всюду неотступно слѣдовала за своей бабушкой и она одна только и то непостоянно находилась подъ непосредственнымъ наблюдениемъ бабушки, которой то и дѣло надоѣдала своими разговорами и распросами и досажала предложеніемъ своихъ услугъ и помощи.

Вечерѣло. Утомленное длиннымъ переходомъ лѣтняго дня солнышко быстро опускалось за горизонтъ, какъ будто торопилось воспользоваться короткимъ отдыхомъ въ лѣтнюю ночь; отъ земли шель паръ, смѣшиваясь съ облаками пыли, которую поднимали возвращающіяся въ село стада.

Настя и Петя, соскучившись нянчить своих братишекъ, ни къ чему не привязанные, какъ они, вполне свободные, воспользовались минутнымъ отсутствіемъ бабушки и умчались на улицу поиграть на просторѣ.

Играли вдоволь и въ своей оградѣ, и на улицѣ: и въ запуски, и въ лошадки, и въ прятки. Забыли обо всемъ на свѣтѣ, и о ребятахъ, и о бабушкѣ. Забыли и не замѣтили того, какъ изъ ближайшаго переулка шло стадо коровъ. Пастухъ-старый съ котомкой и зипуномъ за плечами, съ котелкомъ для варки чая, привязаннымъ сбоку, съ дубинкой въ одной рукѣ и длиннымъ кнутомъ въ другой, весело покрикивалъ на коровъ и пощелкивалъ своимъ кнутомъ. Впереди стада бодро шла, оглядываясь по сторонамъ, красавица бурена-большая корова, принадлежащая сосѣду нашихъ ребятъ. Она была неумолимый врагъ всѣхъ деревенскихъ ребятишекъ. Не одинъ ужъ разъ она пыталась дѣлать свои набѣги на случайно подвертывавшихся ей ребятъ, пробывала на ихъ свою доблесль, но всегда эти попытки сходили благополучно и для ребятъ и для нея. Петя и Настя хорошо знали нравъ врага своего и сильно боялись ея.

И вотъ, въ то время, какъ Петя куда-то спрятался, Настя, бѣгала ли она за „краденой палочкой“, за другимъ ли какимъ дѣломъ, только оказалась она на другомъ порядкѣ домовъ, и отъ своего дома отдѣляла ее цѣлая улица. Увидѣвъ „бодунью“, она вмѣсто того, чтобъ искать спасенія въ чужой оградѣ, понеслась къ своему дому, и какъ разъ попала въ своему „врагу“. Моментъ... И крошка-дѣвочка перакатывалась подъ рогами коровы.. Опасность, грозившую сестрѣ, увидѣлъ Петя, появившійся изъ своей засады. Онъ съ дикимъ крикомъ и со всѣхъ ногъ бросился на выручку своей сестренки, палъ на дѣвочку, и своимъ маленькимъ тѣльцемъ защитилъ ее, обезумѣвшую отъ боли и страха. Корову это на минуту озадачило. Она остановилась. Но не видя выручки ребятамъ со стороны взрослыхъ, направила удары для своей потѣхи на мальчика. Петя кричалъ, но не выпускалъ изъ-подъ себя дѣвочки, на свои бока и спину принявъ удары, которые неминуемо достались бы сестрѣ. Наконецъ выбѣжала на крикъ бабушка, тутъ же подоспѣлъ и старенькій сельскій батюшка, который случайно въ это время возвращался со своей пашни пѣшкомъ. Имъ удалось отогнать лютую корову и освободить героя-защитника и перепуганную его сестру. Къ счастью, серьезныхъ поврежденій ни у мальчика, ни у дѣвочки не оказалось. Последняя отдѣлялась не значительными кровоподтеками и довольно продолжительнымъ испугомъ. А у мальчика и страхъ скоро прошелъ, о синякахъ своихъ онъ и не вспоминалъ, скоро повеселѣлъ и мило рассказывалъ, какъ они играли съ Настей, какъ онъ хорошо спрятался, а она бѣгала за палочкой, а потомъ онъ услышалъ крикъ сестры, увидавъ корову и у ногъ ея сестру, и какъ ему стало „жалко“

ее и онъ закричалъ и побѣждалъ къ ней. Что онъ хотѣлъ сдѣлать, какъ думалъ защитить ее, онъ не зналъ. Но въ нужную минуту онъ *нашелся*, что ему надо сдѣлать.

Батюшка внимательно слушалъ несвязный рассказъ мальчика, долго гладилъ его милую головку, вглядывался въ его свѣтлыя голубыя глазки... А самъ думалъ, удивлялся и умилялся. Сколько прелести въ самопожертвованіи такого крошки-мальчика, котораго въ умѣ своемъ онъ иначе не называлъ, какъ героемъ! Какъ рѣдко приходится видѣть такую нравственную красоту въ жизни людей! Конечно, правда, думалъ батюшка, поступокъ мальчика не есть результатъ его сознанія, облуманности, а болѣе инстинкта. Но фактъ остается фактомъ, и красота его дивно-обаятельна! И откуда у деревенскаго мальчика такіе чудные инстинкты? Про народъ нашъ простой и говорятъ и пишутъ, что онъ дурень, темень, не просвѣщенъ. Правда ли это? задалъ себѣ вопросъ батюшка. Что онъ лишень техническихъ знаній это вѣрно, онъ въ большинствѣ безграмотенъ, что онъ даже религіозныхъ „правильныхъ“ понятій не имѣеть, а въ катихизисѣ и свящ. исторіи и того менѣе смыслить—все это вѣрно. Но что *весь* онъ дурень нравственно, что онъ „не просвѣщенъ“, по крайней мѣрѣ *свѣтомъ* Христова ученія, это едва ли справедливо. Христа и духъ его ученія народъ усвоилъ и знаетъ хорошо, хотя рассказать хорошо не сможетъ. Но опредѣлить безъ ошибки: этотъ поступокъ хорошъ, а тотъ дурень, этотъ согласенъ съ ученіемъ Христа Бога, а этотъ нѣтъ, этотъ человекъ живетъ по Божьи, а этотъ нѣтъ. И *въ большинствѣ* своемъ къ жизни по Христову ученію онъ стремится, какъ къ своему идеалу, праведниковъ, святыхъ угодниковъ Божіихъ искренне и глубоко чтить.

О, конечно и здѣсь, въ средѣ народа, но не болѣе, чѣмъ въ другой средѣ, не мало и пороковъ и зла и грубости, грубости то особенно. Но часто, очень часто, подъ некрасивой и грубой оболочкой скрывается въ народѣ иногда такая нравственная чистота, такое величіе духа, о какомъ и не подозрѣваютъ надмѣнные умники, подсмѣивающіеся надъ темнотою простого народа.

„Отъ народа спасеніе Руси“, вспомнилъ батюшка слова Ѳ. М. Достоевскаго, „берегите же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитывайте его..., ибо сей народъ богоносецъ“.

Свящ. М. К.

Изъ лѣтописи Крутихинской церковно-приходской школы, Ялуторовскаго уѣзда.

Жители села Крутихинскаго по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ дѣлятся на православныхъ, единовѣрцевъ и старообрядцевъ (секта безпоповцевъ). Среди старообрядцевъ издавна были люди грамотные

и даже довольно развитые, особенно изъ „гачетчиковъ“, которыхъ всегда и во всемъ слушались неграмотные односельчане, а въ случаѣ нужды и помогали, кто чѣмъ могъ.

Изъ жизни начетчиковъ крестьяне видѣли, что грамотному человѣку гораздо лучше живется на свѣтъ, чѣмъ неграмотному, а потому, заботясь о будущемъ своихъ дѣтей, они стали просить начетчиковъ оучать у нихъ сыновей грамотъ.

Тѣ, конечно, не отказывались, такъ какъ обученіе дѣтей грамотъ, кромѣ вознагражденія въ матеріальномъ отношеніи, еще давало нѣкоторую популярность среди односельчанъ.

Занятія обыкновенно велись въ домѣ учителя и начинались съ „азовъ“, затѣмъ шли „склады“, дальше— „ангельскій складъ“ (слова подъ титлами), часовникъ и наконецъ псалтирь. Прочитавшій всю псалтирь „отъ доски до доски“ считался уже грамотеемъ. Что же касается письма, то необходимымъ находили только научить писать свое имя и фамилію, дабы могъ подписаться подъ сельскій приговоръ, а если у кого было желаніе узнать больше, то долженъ былъ доучиваться уже самъ. Да видимо и учителя при преподаваніи заботились только о томъ, какъ-бы не сообщить ученикамъ лишнее и какъ-бы они потомъ не узнали больше своего учителя, и частенько приходилось слышать, какъ прежніе учителя своихъ способныхъ учениковъ останавливали словами: „выше лба уши не растутъ!“ или— „яйца курицу не учать!“, если ученики забывались и поправляли учителя. Точно также не давали читать ничего кромѣ учебника.— „Я вашъ наставникъ, тотъ же отецъ, такъ вы меня должны слушать, а не читать, что не приказываю“. И тотчасъ же добавляли, что и святые такъ велѣли поступать, приводили имъ въ доказательство тебсты:

— „И дидаскала своего во всемъ добромъ наказаніи блюдися.

— И паки не супротивляйся ему ни въ чемъ.

— Наипаче преклоняй ему выю свою во всемъ.

— Потомъ научитися отъ него и прочему Божественному мудро-стному писанію.

— И вси людіе воздвигаетя твоему къ нему повинованію“... (Азбука свв. Кирилла и Меодіа листъ 7 обор. и 8). Очевидно, учителя боялись, какъ-бы ученики не узнали больше своего учителя, а тогда могъ поколебаться ихъ авторитетъ. Они не могли сказать ничего противъ своихъ бывшихъ учителей даже и тогда, когда были уже самостоятельными хозяевами въ обществѣ и имѣли голосъ на сходѣ.

— Но вотъ въ 1891 году въ село Крутихинское пріѣхалъ священникъ о. Макарій Бердюгинъ; онъ задумалъ открыть школу. Къ счастью тутъ проходилъ бѣдный Курганскій мѣщанинъ изъ селъ-

ныхъ Гавріиль Петровичъ Кореневъ, довольно развитой человекъ. О. Макарій пригласилъ его заниматься во вновь отърываемой имъ домашней школѣ, онъ не отказался и вотъ такимъ образомъ было положено основаніе *Крутихинской* церковно-приходской ш. лѣ.

Черезъ нѣсколько дней новымъ учителемъ началось обученіе дѣтей родному языку, удивившее всѣхъ прежнихъ учителей. Дѣло въ томъ, что г. Кореневъ сталъ заниматься не по старинной Кирилла и Меодія азбукѣ, а по разрывной, выдавая буквы ученикамъ домой (т. е. буквослагательнымъ способомъ).

Прежніе учителя, увидавши карточки съ буквами, подняли на смѣхъ какъ учителя, такъ равно и инициатора о. Макарія и родителей, отдающихъ своихъ дѣтей къ учителю, который учить только „въ карточки“ играть.

Родители, привыкшіе слушаться своихъ наставниковъ, на первыхъ порахъ плохо отдавали своихъ дѣтей въ школу. Всего учениковъ сначала поступило 6 человекъ, а такъ какъ школьнаго зданія не было, то крестьянинъ Антонъ Предеинъ уступилъ для дѣтей „малуху“, въ которой онъ зимой сушилъ хомуты. И что это было за ученіе!

Въ зданіи, не приспособленномъ для житья зимой, было всего два маленькихъ окошечка, а когда эти два окошечка, бывало, замерзнутъ, то днемъ приходилось зажигать огонь, кромѣ того было такъ холодно, что всѣ сидѣли на печи и „полотяхъ“ въ шубахъ; руки коченѣли, когда нужно было сложить изъ буквъ слово. Если же испятъ, бывало, печь, то въ „классной комнатѣ“ поднимались такіа испаренія отъ хомутовъ, что и привычныя крестьянскіе ребятишки и тѣ даже не могли выносить такого зловонія и часто выбѣгали подышать свѣжимъ воздухомъ. Но къ счастью это продолжалось не долго. Мѣсяца черезъ два школу перевели въ другую избу крестьянина Малафея Вѣлбородова. Хотя эта изба была тоже холодная, зато въ ней были большія полаты и печь, такъ что на нихъ помѣщаются кромѣ учителя 12 человекъ—учениковъ; здѣсь и велись занятія.

Сначала крестьяне, какъ я уже говорилъ, не особенно доверчиво относились къ школѣ, но когда увидѣли, что дѣти уже вмѣсто „карточекъ“ принесли книжки и стали разбирать въ нихъ слова, то стали интересоваться все больше и больше школой и уже меньше обращать вниманія на слова прежнихъ учителей. А тутъ еще увидали, что у дѣтей появились какія-то черныя дощечки (аспидныя доски), на которыхъ они стали выводить тоже черненькими палочками буквы и слова и даже стали писать свои имена и фамиліи не хуже взрослыхъ грамотеевъ и дѣлали это, не пройдя не только псалтирь, но даже и часовникъ. Тогда они ужъ не стали смотрѣть на учителя,

какъ на „лодыря“, какимъ его до тѣхъ поръ считали, а стали заводить съ нимъ знакомство. Г. Кореневъ со своей стороны сталъ имъ почитать кой-какія книжки, пописывать дѣловыя бумажки необходимые въ крестьянскомъ обиходѣ и письма, тогда крестьяне стали относиться къ нему еще довѣрчивѣе и наконецъ наняли его сельскимъ писаремъ.

А тутъ наступилъ „голодный годъ“ и отъ „Россійскаго о-ва Краснаго Креста“ ученикамъ выдавали бесплатно хлѣбъ и приварокъ, тогда отцы, имѣющіе дѣтей (исключая старообрядцевъ), чтобы сбыть лишніе рты, стали насильно навязывать дѣтей и учениковъ собралось въ одну недѣлю больше 40 человекъ, а чтобы подольше пользоваться казенной пищей, ученье продолжалось и лѣтніе мѣсяца.

Да, нужно отдать справедливость и г. Кореневу, ученье у него шло довольно успѣшно: черезъ три года ученики хорошо читали и писали, а такъ какъ учащимъ было обращено серьезное вниманіе на письмо дѣловыхъ бумажекъ и счисленіе на торговыхъ счетахъ, то одинъ ученикъ на 4 годъ былъ въ своемъ селѣ уже сельскимъ писаремъ и это при такихъ условіяхъ обученія!

Потомъ школа была переведена въ третью избу крестьянки Евеимыи Екимовой, съ платой по 1 руб. въ мѣсяць.

Черезъ четыре года со времени открытія школы, построили домъ для священника и внизу, съ помощію уѣзднаго отдѣленія учил. совѣта, отвели комнату для класса, въ которой занимаются и до сего времени; самую школу наименовали „школой грамоты“, а учителя Коренева, этого энергичнаго человѣка, какъ не имѣющаго никакихъ правъ на званіе учителя, черезъ годъ смѣнили и назначили учительницей Ѳ. Иваницкую. Въ 1897 году школу преобразовали въ церковно-приходскую.

Учитель *Доровей Волосниковъ.*

ШКОЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

4 февраля сего года въ Черемшанской школѣ былъ второй по счету литературный вечеръ. О первомъ я писалъ въ прошедшемъ году и предполагалъ въ настоящемъ учебномъ году устроить такихъ два, но по степенію неблагоприятныхъ для меня обстоятельствъ я не могъ исполнить обѣщаннаго.

За двѣ недѣли я объявилъ ученикамъ, что будетъ вечеръ и каждый изъ нихъ можетъ выбрать для чтенія, по своему желанію, изъ того, что не было прочитано на прошлогоднемъ вечерѣ. Не мало стоило трудовъ пріобрѣсти для вечера граммофонъ: куда не сунусь, вездѣ отказъ. На выручку случайно явился одинъ изъ Ишимскихъ небогатыхъ

мѣшанъ, Ташлановъ, который и предложилъ мнѣ свой граммофонъ за недорогою цѣну. Изъ 40 учениковъ изъявили желаніе читъ 33 и всеъ приготовились. Начало вечера было въ 6½ часовъ. Послѣ краткой моей рѣчи о цѣли настоящаго вечера: дать возможность ученикамъ показать передъ народомъ свои успѣхи въ выразительномъ чтеніи и пѣніи съ одной стороны, а родителямъ порадоваться успѣшному ученію своихъ дѣтей, съ другой, былъ пущенъ въ движеніе кружокъ граммофона, откуда тотчасъ полились пріятные звуки одного архіерейскаго хора, пѣвшаго «Достойно есть». Ученики подъ руководствомъ псаломщика Млахова пропѣли гимнъ «Боже, царя храни!» Затѣмъ на граммофонѣ прослушали всеъ «Хвалите имя Господне», а ученики пропѣли хоромъ гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ». Послѣ этого началось чтеніе стихотвореній и басенъ по особо составленной программѣ. Два—три чтенія и граммофонъ съ пѣніемъ. Пѣли ученики по руководству о. Коровина: Привѣтъ землѣ, Зимняя выюга, Лѣто, Осень, Москва и др. Всего спѣто учениками 15 пѣсень. Въ срединѣ чтенія стихотвореній ученики картинно исполнили «Квартетъ», а въ концѣ: «Кукушка и Пѣтухъ». Лучшими чтеніями оказались: А. Кузнецова, И. и Х. Заворохины, Г. Григорьевъ, Е. Шелуховъ, А. и В. Васенины. Вечеръ продолжался два часа. Неохотно расходился народъ изъ школы. Отовсюду слышались рѣчи: «Какъ хорошо! Какъ занятно! Какое удовольствіе батюшко доставилъ дѣтямъ!» Не граммофонъ заинтересовалъ народъ, но пѣніе и чтеніе, въ особенности групповое изъ басенъ. Многие остались посматрѣть, какъ дѣти пили чай. При этомъ я долженъ выразить благодарность тѣмъ женщинамъ, которыя помогли намъ втащить въ классъ столы и скамьи, роздать конфеты и пряники и разлить чай 40 ученикамъ.

Многіе, быть можетъ, спросятъ меня: «а что стоило все это удовольствіе?»—Представляю счетъ:

За демонстрированіе граммофона—2 р. 30 к., $\frac{1}{8}$ ф. чаю—20 к., 2 ф. сахару—36 к., 2 ф. по 30 к., 2 ф. по 40 к. и 2 ф. по 25 к. конфетъ—1 р. 90 к., 10 ф. кренделей и 10 ф. пряниковъ—1 р. 40 к. Итого 6 р. 16 к.

Что подобныя вечера доступны всемъ и плодотворны, въ томъ я убѣжденъ, и отъ души желаю всемъ послѣдовать примѣру моему!

Священникъ П. Кузнецовъ.

Содержаніе. Краткое поученіе.—Почтеніе предъ приводомъ къ присягѣ.—Недѣля православія.—Очерки Тоб дух семинаріи.—Епархіальная хроника.—Школьный Листокъ.

Редакторъ А. ГОРОДКОВЪ.

Дозволено цензурою. 16 апрѣля 1907 г.